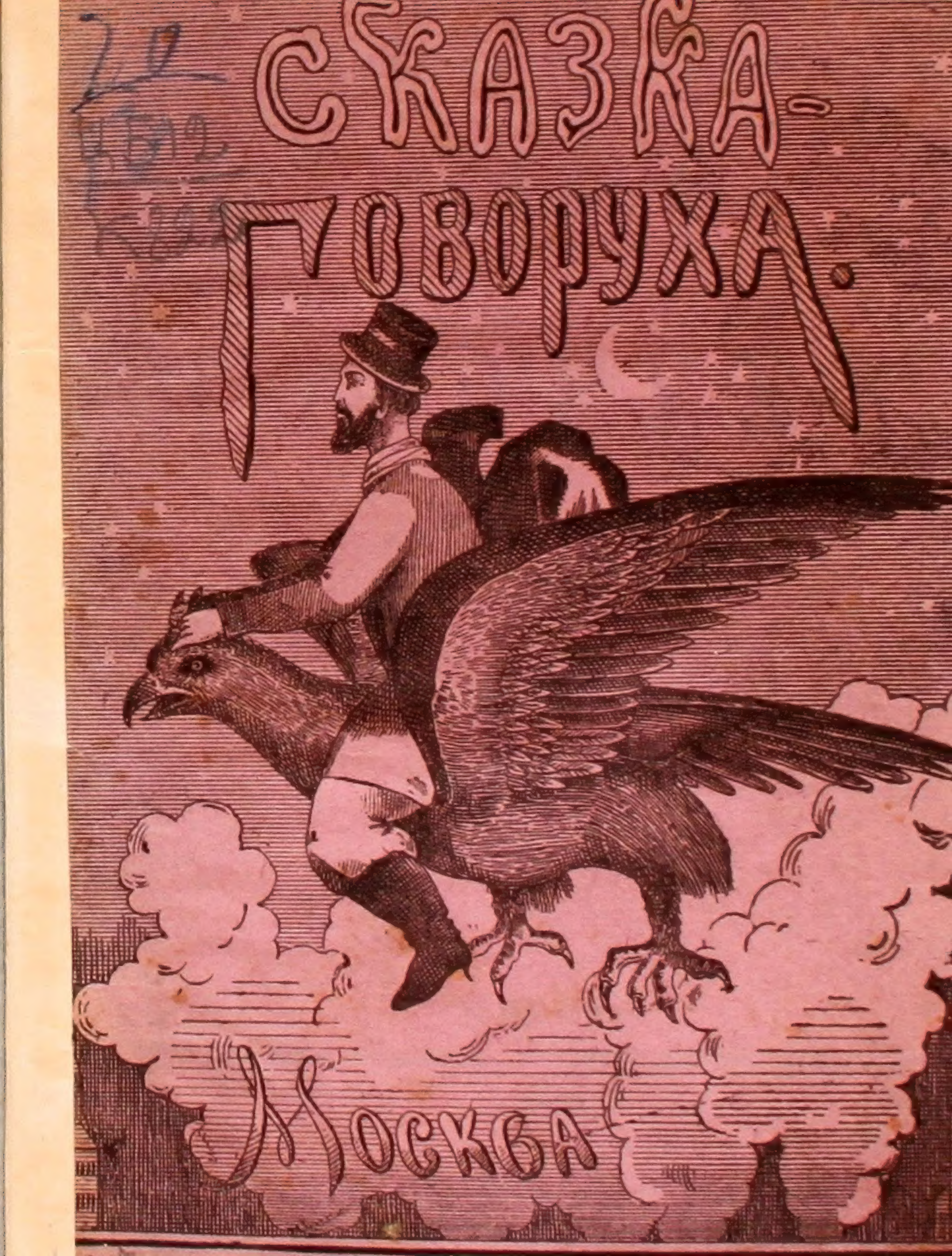
КравчинскийСМ

Сказка говоруха

2 экз

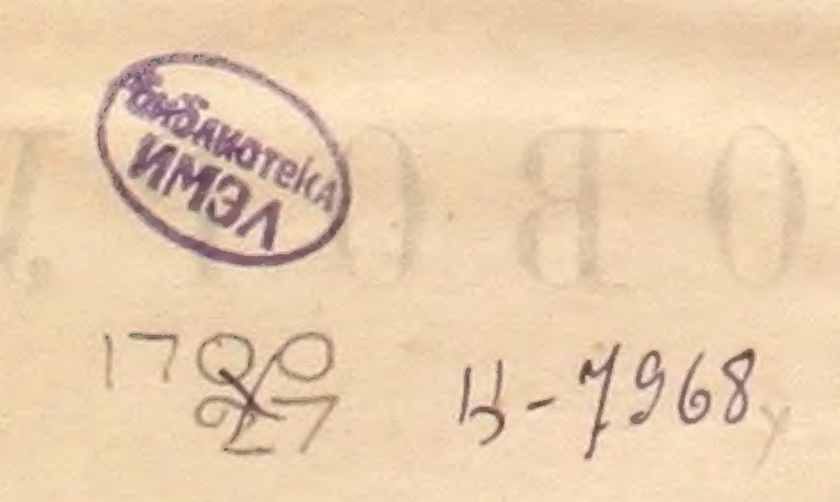

Сказка-
Говоруха.
Москва

Кравчинский, С.Т.

СКАЗКА

ГОВОРУХА.

МОСКВА.
Типографія Бохметева, на Срѣтенкѣ, въ д. Карлони.
1875.

Дозволено цензурою. Москва, 27 Іюля 187

Parlene

I.

То не вѣтеръ воетъ по дубравушкѣ, то не дождь мочитъ зелену траву, то стонетъ русскій народъ отъ злыхъ вороговъ, то льетъ онъ свои слезы горькія!

Какъ не выходить всѣхъ путей-дорогъ, какъ не вычерпать океанъ-моря, такъ не вымѣрить злаго горюшка, что̀ гнетъ русскій народъ ко сырой землѣ!

И слышалъ я этотъ стонъ народный и видѣлъ я эти слезы. И камнемъ легли онѣ мнѣ на сердце, и не было мнѣ покоя отъ камня того ни днемъ, ни ночью, и все тяжеле и тяжеле давилъ онъ грудь мою.

И пошелъ я во зеленый лугъ и взмолился быстрой рѣченькѣ:

— Государыня, быстра рѣченька, снеси ты камень съ сердца моего!

И отвѣчала мнѣ быстра рѣченька:

— Не снести мнѣ камня съ сердца твоего, потому текутъ во мнѣ слезы народныя.

И еще тяжеле сталъ давить камень грудь мою!

И пошелъ я во чисто поле и взмолился вѣтру вольному:

— Государь, вѣтеръ вольный, — сдуй ты камень съ сердца моего!

И отвѣчалъ мнѣ вѣтеръ вольный, покачавъ головою косматою:

— Не сдуть мнѣ камня съ сердца твоего, потому тяготятъ крылья мои стоны народные!

И еще тяжеле сталъ давить камень грудь мою.

И взялъ я посохъ и пошелъ я по путямъ-дорогамъ искать мудреца, который научилъ бы меня, какъ сдѣлать, чтобы замолкъ стонъ народный, чтобъ высохли слезы народныя. Ибо зналъ я, что тогда сдуетъ вѣтеръ камень съ сердца моего, снесетъ его быстра рѣченька.

И много дорогъ исходилъ я, много рѣкъ переплылъ я, но не нашелъ я, кого искалъ.

И вотъ я увидѣлъ вдали высокія горы, которыя поднимались выше облаковъ, и пошелъ я къ нимъ.

И поднялся я на вершины ихъ, гдѣ могучіе орлы вьютъ свои гнѣзда. И восхищенъ былъ взоръ мой, потому ярко сіяли снѣжныя поляны; чудно сверкали, какъ камни самоцвѣтные, ледяныя глыбы, когда солнечные лучи играли въ нихъ.

Но не нашелъ я, чего искалъ, ибо живой души не было въ льдинахъ.

И сказалъ я самъ себѣ:

Всю землю исходилъ я и не нашелъ, чего искалъ. Нечего же искать мнѣ больше!

И точно ядомъ наполнилась душа моя, и опостылѣла мнѣ жизнь.

Вдругъ я увидѣлъ зіяющую пропасть, и повлекло меня къ ней.

И уже сѣлъ я на край пропасти и готовъ былъ броситься въ нее, но вдругъ чей то дивный голосъ остановилъ меня.

Я обернулся и увидѣлъ предъ собою женщину чудной красоты.

Я смотрѣлъ на нее и не могъ проговорить слова отъ восхищенія, ибо невиданной красоты была эта женщина.

И подошла она ко мнѣ и сказала:

— Встань и отойди отъ этого мѣста!

Какъ покорный младенецъ повиновался я, ибо какая то невѣдомая сила была въ голосѣ ея.

— Чего ты ищешь здѣсь? спросила она меня.

— Ищу я правды, сказалъ я. Ищу человѣка, который научилъ бы меня, какъ должно жить народу русскому, чтобъ не мучиться вѣчной мукою. Но нигдѣ не могъ я найти такого человѣка. Много дорогъ исходилъ я, много рѣкъ переплылъ я и много слезъ пролилъ я. И вотъ

теперь смертная тоска наполнила душу мою, и хотѣлъ я броситься въ эту пропасть.

Положила она руку свою на голову мнѣ и сказала:

— Будь мнѣ названный братъ, ибо я тоже плачу о страданіяхъ людей, дорогихъ сердцу моему.

И устремилъ я на нее взглядъ полный восторга и воскликнулъ:

— Чудная красавица! велико, должно быть, могущество твое. Никогда не видалъ я тебя, но лишь только подошла ты ко мнѣ, точно солнце опустилось въ грудь мою. Никогда не видалъ я тебя, но скажи только мнѣ, и я съ радостью вложу руку свою въ пасть дикаго звѣря, брошусь въ пучину морскую, въ пропасть бездонную, чтобы только разгладить одну морщинку на челѣ твоемъ. Лишь только положила ты руку свою на голову мнѣ, какъ точно разверзлись очи мои, и сталъ я видѣть зорче сокола, и разверзлись уши мои, и сталъ я слышать, какъ растетъ полевая трава. Велико же должно быть могущество твое, чудная красавица. Такъ научи же ты меня, ибо все должно быть извѣстно тебѣ!

И сказала она мнѣ:

— Дай мнѣ руку свою, и отведу я тебя къ брату моему. Онъ научитъ тебя тому, что хочешь знать ты, ибо онъ открываетъ всю правду

до послѣдняго слова всякому, кого я приведу къ нему.

— Чѣмъ же мнѣ отблагодарить тебя, чудная красавица! воскликнулъ я. Скажи мнѣ хоть, какъ зовутъ тебя, чтобъ могъ я прославить имя твое.

И отвѣчала она мнѣ:

— Много именъ у меня между людьми, ты же зови меня Любушей. Это мое любимое имя.

И взяла меня Любуша за руку и повела она меня черезъ густой дремучій лѣсъ.

Великъ былъ этотъ лѣсъ. Давно уже спустилась на землю ночная темнота, а мы все шли впередъ. Вдругъ яркій свѣтъ ударилъ въ глаза мнѣ.

— Сейчасъ мы придемъ къ жилищу брата моего, сказала мнѣ Любуша.

Прошли мы еще нѣсколько шаговъ, и увидѣлъ я передъ собою широкую поляну, всю залитую серебрянымъ свѣтомъ, какъ будто нѣсколько лунъ спустилось на нее.

Посреди поляны стоялъ огромный дубъ, какого я никогда не видывалъ. Высотою онъ былъ какъ колокольня Ивана Великаго, что стоитъ въ Москвѣ около Царь-Колокола. А чтобъ обхватить его, пятьдесятъ человѣкъ должны бы взяться за руки и только крайніе чуть коснулись бы концами пальцевъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ

дуплѣ были дыры отъ старыхъ сгнившихъ вѣтвей, и изъ нихъ-то лился яркій свѣтъ, который освѣщалъ всю поляну.

Когда мы подошли къ дубу, Любуша провела пальцемъ вдоль коры его, и вдругъ въ немъ сдѣлалась длинная трещина, какъ будто какой нибудь богатырь разсѣкъ его мечемъ своимъ.

Притронулась она пальцемъ къ трещинѣ, и вдругъ она широко разступилась, какъ будто двѣнадцать богатырскихъ коней раздвинули ее въ обѣ стороны.

Ослѣпительный свѣтъ полился на насъ, и среди этого свѣта я увидѣлъ сѣдаго какъ лунь старика, съ бѣлою какъ снѣгъ бородою по самыя колѣна.

— Чего тебѣ нужно отъ меня, сестра моя, сказалъ онъ Любушѣ.

— Я привела тебѣ жаждущаго: напой его, сказала она.

— Хорошо, сказалъ старецъ, ибо нѣтъ у меня ничего завѣтнаго для тѣхъ, кого ты приводишь ко мнѣ.

И сказала мнѣ Любуша:

— Это братъ мой Наумъ, — иди за нимъ, и онъ откроетъ тебѣ все, что захочешь знать ты.

II.

Тогда ввелъ меня Наумъ въ жилище свое и закрылъ онъ щель, сквозь которую пришли мы.

Долго не могъ я открыть глазъ, ибо былъ я слѣпъ отъ яркаго свѣта, какъ отъ глубокой тьмы.

Тогда Наумъ прикоснулся къ очамъ моимъ, и открылись они, и сталъ я видѣть все.

И велико было удивленіе мое, и не вѣрилъ я глазамъ своимъ, когда я въ первый разъ взглянулъ на жилище Наума.

Я помнилъ, какой дубъ я видѣлъ снаружи, а теперь мнѣ казалось, что стѣны его были изъ стекла, потому что ихъ совсѣмъ незамѣтно было, и разныя картины были видны сквозь нихъ. Но когда я присмотрѣлся къ тому, что видно было сквозь стѣны, то еще удвоилось удивленіе мое: я помнилъ, что дубъ стоитъ среди темнаго лѣса, а сквозь стѣны я видѣлъ города, церкви, площади; видѣлъ незнакомыхъ мнѣ людей, которые копошились на этихъ площадяхъ. Видѣлъ дома; видѣлъ, что внутри самихъ домовъ дѣлается, потому казалось, что и стѣны ихъ стали стеклянными!

Тогда поднялъ я глаза на Наума и спросилъ его:

— Скажи мнѣ, отче, точно ли это все тамъ есть, или туманъ нашелъ на глаза мои?

И сказалъ онъ мнѣ:

— Изъ жилища моего я и всякій, кого я приму къ себѣ, видитъ все, что дѣлается во всемъ мірѣ. Вотъ смотри сюда и увидишь ты землю русскую.

И показалъ онъ мнѣ рукой, и сталъ я смотрѣть, куда показалъ онъ.

И увидѣлъ я тутъ всѣ муки народа русскаго. И слезы наполнили очи мои, и сказалъ я Науму:

— Видѣлъ я собственными очами муки народа русскаго и не за тѣмъ пришелъ я къ тебѣ. Покажи ты мнѣ, какъ другіе народы живутъ, чтобъ могъ я сказать народу русскому, какъ ему жить, чтобъ не мучиться вѣчною мукою.

Горько покачалъ головою старецъ, и слеза упала изъ очей его, и повелъ онъ меня къ другому мѣсту и указалъ рукой.

И сталъ я смотрѣть, куда онъ указалъ мнѣ, но ничего не могъ разглядѣть я, ибо туманъ покрывалъ очи мои. Видѣлъ я только, какъ летѣли оторванныя руки, брызгала кровь, и казалось мнѣ, что слышу я чьи-то тяжелые стоны.

Тогда сказалъ мнѣ Наумъ:

— Пойдемъ, я поведу тебя къ дочери моей, и поможетъ она тебѣ разсмотрѣть то, что я показалъ тебѣ здѣсь.

И повелъ онъ меня къ двери и сказалъ: отворись! И отворилась она по слову его.

Взялъ онъ меня за руку и ввелъ онъ меня за собою въ эту дверь. И великія чудеса увидѣлъ я.

Предо мною была огромная пещера, высѣченная въ скалѣ. И не могъ я видѣть конца ея. Но удивительнѣе было то, что было въ этой пещерѣ.

Вся она поросла лѣсомъ, который походилъ на густой липовый лѣсъ позднею осенью, когда всѣ листья пожелтѣли уже. Но странный блескъ исходилъ изъ этого подземнаго лѣса. Я присмотрѣлся и увидѣлъ, что всѣ деревья были желѣзныя, а листья на нихъ золотые! А на деревьяхъ тѣхъ сидѣло видимо-невидимо живыхъ бабочекъ съ большими бѣлыми крылышками въ черныхъ крапинкахъ. Онѣ безпрестанно махали своими крылышками и перепархивали съ вѣточки на вѣточку.

— Это все дѣти мои, сказалъ Наумъ. Много у меня ихъ, хотя не всѣ, которыя называютъ меня своимъ отцомъ, дѣти мнѣ.

И удивился я еще больше, чѣмъ до сихъ поръ.

— Какъ могутъ быть дѣтьми у тебя бабочки? воскликнулъ я.

И сказалъ мнѣ Наумъ:

— Не всегда онѣ были бабочками. Волшебствомъ своимъ я придѣлалъ имъ крылышки,

чтобъ могли летать онѣ по свѣту и учить людей уму-разуму. И много ихъ пустилъ я въ міръ, потому уже много тысячъ лѣтъ живу я на свѣтѣ.

Еще больше удивился я, но не могъ спросить Наума, потому что онъ оставилъ меня и сталъ ходить между деревьями.

Долго онъ ходилъ и присматривался къ бабочкамъ. Наконецъ онъ выбралъ одну изъ нихъ и махнулъ ей рукой.

Она спорхнула съ вѣточки и сѣла ему на палецъ; тогда онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Это дочь моя—Мудрица. Довѣрься ей, и она покажетъ тебѣ, какъ живутъ всѣ другіе народы.

Низко поклонился я Мудрицѣ Наумовнѣ, но не успѣлъ я разогнуть спины, какъ она спорхнула съ пальца Наума, сѣла мнѣ на спину и уцѣпилась за меня своими лапками. Наумъ махнулъ рукой, и разступился вдругъ потолокъ пещеры надъ нашими головами.

— Съ Богомъ! сказалъ Наумъ.

И не успѣлъ я опомниться, какъ Мудрица Наумовна взмахнула крылышками, и мы стрѣлой взвились подъ облака.

Отъ страха я обомлѣлъ. Когда я открылъ глаза, то увидѣлъ, что несемся мы надъ безконечнымъ моремъ, и страшно шумитъ оно, и не видно ничего кругомъ, кромѣ неба и воды. Я

весь затрепеталъ и показалось мнѣ, что вотъ-вотъ, я полечу въ море и хотѣлъ я схватиться руками за крылышки Мудрицы Наумовны.

— Не шевелись, говоритъ она мнѣ, не то я уроню тебя.

Я замеръ и висѣлъ межъ небомъ и землей ни живъ, ни мертвъ.

— Не бойся, говоритъ она мнѣ, мы сейчасъ прилетимъ.

И сталъ я смотрѣть передъ собою и увидѣлъ вдали что-то окутанное бѣлымъ туманомъ.

— Это Англія, говоритъ мнѣ Мудрица Наумовна, сейчасъ мы спустимся на землю.

Тотчасъ я почувствовалъ, что мы спускаемся ниже, и черезъ нѣсколько минутъ я радостно вздохнулъ, потому ступилъ я на твердую землю.

Тутъ Мудрица Наумовна сказала мнѣ:

— Ступай ты на всѣ четыре стороны и увидишь ты собственными глазами, что ждетъ впереди русскій народъ, и что долженъ дѣлать онъ, чтобъ не мучиться вѣчной мукою. И дамъ я тебѣ даръ понимать ихъ языкъ и самому говорить на немъ. А я спрячусь въ дупло вонъ того дуба, а когда понадоблюсь я тебѣ опять, то ты пріиди на это мѣсто, и я явлюсь тебѣ.

Сказала это Мудрица Наумовна, вспорхнула и скрылась въ широкомъ duплѣ столѣтняго дуба, который стоялъ около насъ. А я остался одинъ.

III.

Я осмотрѣлся. Я стоялъ на взморьѣ, на берегу маленькаго ручейка. Кругомъ была глубокая темнота. Видно, Мудрицѣ Наумовнѣ понадобилось очень мало времени, чтобъ пролетѣть изъ Россіи въ Англію.

Нигдѣ не видно было ни души, не слышно было ни одного звука. Только море ревѣло, и волны бѣшено рвали берега, какъ будто злились на нихъ, что они не даютъ имъ простору. Да буйный вѣтеръ вылъ и стоналъ, какъ дикій звѣрь, посаженный въ желѣзную клѣтку.

Жутко стало мнѣ, и не зналъ я, куда идти, но тутъ я увидѣлъ за пригоркомъ какой-то огонекъ и пошелъ я на него. Я сталъ всходить на пригорокъ, а число огней все росло и росло, и не было этому конца.

Когда я взошелъ, наконецъ, на верхушку пригорка, то предо мною открылось огромное поле, усѣянное безчисленнымъ множествомъ огней, какъ бываетъ усыпанъ лугъ густою ромашкой.

Я очень обрадовался. Это городъ, подумалъ я, да еще веселый, должно быть, коли въ такую глубокую ночь у нихъ не потушены огни.

Я быстро пошелъ на ближайшій огонь и, подойдя къ первому домику, постучался въ окно.

— Добрые люди, сказалъ я, пустите переночевать прохожаго человѣка.

Долго никто не отзывался, наконецъ въ окнѣ показался хозяинъ.

Онъ очень удивился, когда узналъ, чего я прошу, а потомъ какъ закричитъ:

— Пошолъ вонъ отсюда! Много васъ тутъ шатается!

Опустилъ я голову и пошелъ къ другому дому. Тамъ меня еще хуже встрѣтили:

— Ахъ ты такой, сякой! убирайся скорѣй, пока цѣлъ!

Не посмѣлъ я проситься въ третій домъ, а пошелъ по улицѣ. Она была освѣщена двумя рядами фонарей, и было свѣтло на ней, какъ днемъ.

Но ни души не слышно было. Только шаги мои звучно отдавались по каменной плитной мостовой, да тѣнь перебѣгала отъ одного фонаря къ другому.

Однако нужно было подумать объ ночлегѣ, потому что глаза мои слипались отъ усталости.

Я все шелъ, куда глаза глядятъ; вдругъ споткнулся о что-то мягкое. Нагнулся, вижу — подъ заборомъ спитъ скорчившись какой-то человѣкъ.

— Ну, думаю, нечего дѣлать; видно, и мнѣ придется такую же ночевку сдѣлать.

Примостился я къ забору и скоро заснулъ. Но не долго намъ удалось проспать, потому по улицамъ не дозволяется тутъ валяться, чтобъ не обезпокоить честныхъ людей.

Городовой растолкалъ насъ ногою и закричалъ:

— Что вы тутъ валяетесь, сукины дѣти! Чтобы духу вашего не было! Слышите?

Нечего было дѣлать. Пришлось уходить.

Тутъ только я взглянулъ на своего товарища.

Это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, блѣдный и худой, какъ мертвецъ. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то капотъ, но до того изорванный, что старикъ походилъ на охапку тряпокъ, перевязанную веревкою.

— Ну чтожъ, говоритъ старикъ, кудажъ намъ теперь идти?

У меня и руки опустились.

— Какъ куда? говорю. Вѣдь ты здѣшній, тебѣ и знать, а я почемъ знаю! Я только сегодня въ вашъ городъ пришелъ.

— А, такъ ты изъ деревни, сказалъ старикъ. Видно, круто пришлось? и онъ о чемъ то задумался.

Ну, такъ и быть, говоритъ, сведу я тебя на квартирку; есть у меня неподалеку отличная: и

сухо, и компанія веселая. Маленько продуваетъ; ну, да это и къ лучшему.

Мы пошли по освѣщеннымъ улицамъ и часто наталкивались на людей, которые спали подъ заборами, подъ навѣсами крылецъ, подъ памятниками.

Старикъ спокойно переступалъ черезъ нихъ, какъ черезъ колоды. Видно, привыченъ былъ онъ къ этому.

Но тяжелая дума закралась мнѣ въ душу.

— Не валяются люди подъ заборами тамъ, гдѣ хорошо живется! подумалъ я.

Но не успѣлъ я спросить старика, неужели у нихъ такъ плохо живется, потому въ это время мы подошли къ каменному мосту, перекинутому черезъ оврагъ, и старикъ, вмѣсто того, чтобы идти на мостъ, свернулъ въ сторону и сталъ спускаться на дно оврага. Удивился я, зачѣмъ это ему вздумалось переходить оврагъ не такъ, какъ всѣ люди; однако пошелъ за нимъ, не говоря ни слова.

Когда мы спустились въ оврагъ, старикъ вдругъ повернулъ подъ мостъ, остановился да и говоритъ мнѣ:

— Ну, вотъ мы и пришли на свою квартиру. Хороша? А вотъ и компанія — превеселый народъ! сказалъ онъ и указалъ на нѣсколько крысъ, которыя юркнули было въ норы, когда

мы пришли, но потомъ опять выбѣжали и начали возню.

Отъ долгой ходьбы я такъ усталъ, что мнѣ было не до разговоровъ. Я выбралъ подъ сырыми балками мѣсто посуше, легъ и заснулъ, какъ убитый.

IV.

Когда я проснулся съ утреннимъ холодомъ, то замѣтилъ, что подъ мостомъ уже не мы одни.

За ночь, какъ видно, народу понабралось, потому квартира вольная — иди кто хошь.

Товарищи мои тоже попросыпались, потому утренній холодъ не давалъ имъ слишкомъ залеживаться. Ихъ было трое, не считая моего старика.

Два было среднихъ лѣтъ.

Одинъ длинный и худой, какъ кощей безсмертный. На немъ былъ надѣтъ кафтанъ до того излатанный, что нельзя было узнать, изъ какой онъ матеріи сдѣланъ. Онъ все время сидѣлъ, понуривъ голову, и молчалъ.

Другой былъ приземистый, рябой съ сѣрымъ, какъ земля, лицомъ, какое бываетъ отъ собачьей жизни. Одѣтъ онъ былъ въ толстую суконную куртку, изъ подъ которой видно был

голое тѣло, потому не было на немъ рубашки. Но онъ былъ, какъ видно, человѣкъ веселаго нрава и очень разговорчивый.

Третій былъ мой ровесникъ. Чѣмъ больше смотрѣлъ я на него, тѣмъ больше влекло меня сердце къ нему. Никогда я не видѣлъ лица добрѣе и умнѣе. Каріе глаза его свѣтились, какъ свѣчка и много было въ нихъ ума и доброты.

Мы скоро разговорились съ нимъ, потому онъ тоже видно замѣтилъ меня и подсѣлъ ко мнѣ.

Онъ спросилъ, какъ меня зовутъ, откуда я родомъ, гдѣ работалъ?

Я сказалъ, что я дальній, пришелъ работать въ столицу (потому отъ старика я узналъ, что попалъ въ Лондонъ, столицу Англіи).

— А что, братцы, вѣдь какъ нибудь промыслить надо, говоритъ рябой. Авось сегодня счастливѣе будемъ!

— Братцы, радостно вскричалъ младшій, Николай,—вѣдь вѣтеръ-то, кажись, попутный сегодня!

Всѣ трое быстро вскочили, сорвали нѣсколько сухихъ листьевъ съ бурьяна, который росъ подъ мостомъ, и пустили его по вѣтру.

Оказалось, что вѣтеръ точно попутный. Обрадовались они, будто кладъ открыли.

— А вы, почтенные, видно ждете родныхъ изъ за моря? сказалъ я.

Они такъ и покатились со смѣху.

— Да ты совсѣмъ воробей, да еще съ заѣдами, сказалъ мнѣ Николай. Видишь ли что: наше брюхо — мельница, а руки — крылья. Когда вѣтеръ дуетъ, такъ машутъ наши крылья, и есть что молоть брюху. А нѣтъ вѣтру, стоятъ наши крылья и не мелетъ мельница! Хитро вѣдь?

Подивился я, но ничего не могъ понять.

— Ну, вотъ пойдемъ съ нами, такъ увидишь, говоритъ Николай. Вѣдь небось у тебя никого нѣтъ здѣсь, потому колибъ былъ, такъ не пришелъ бы ты ночевать сюда.

— Нѣтъ, говорю, нѣтъ никого.

— Ну, такъ пойдемъ.

Пошли мы. Только ужъ больно ѣсть хотѣлось намъ. А денегъ ни у кого не было.

Я снялъ съ себя сапоги, потому всѣ трое товарищей моихъ были босикомъ, и отнесъ въ лавочку.

Намъ дали нѣсколько фунтовъ хлѣба. Мы поѣли и пошли.

Долго мы шли по пустыннымъ улицамъ города, наконецъ пришли на пристань. Кораблей и барокъ тутъ стояло видимо-невидимо. Точно густой лѣсъ росъ на взморьѣ.

Тутъ грузили и разгружали корабли со всякими товарами.

Работа кипѣла, потому подулъ попутный вѣтеръ, и хозяева торопились нагрузить свои корабли.

Толпы рабочихъ таскали тяжелые мѣшки и тюки подчасъ больше себя, какъ муравьи свои яйца.

Подошли мы, и во всю жизнь не забыть мнѣ того, что я увидѣлъ. Всѣ были въ лохмотьяхъ, почти всѣ босикомъ, у немногихъ были рубахи. Господи! что это были за лица! страшно было смотрѣть: блѣдныя, худыя, со впалыми глазами, посинѣлыми губами. Точно мертвецы встали изъ гробовъ и пришли сюда работать! Таковы были первые англійскіе рабочіе, которыхъ я увидѣлъ.

Опустилъ я голову и сталъ молча таскать тюки. Николай тоже работалъ рядомъ со мною, и смерть какъ жалко было мнѣ этого парня. Силенки, видно, мало, а таскай такіе мѣшки. Подсоблялъ я ему всячески, а на сердцѣ все чернѣй да чернѣй становилось. Потому больно было смотрѣть на худыхъ, дряхлыхъ стариковъ, какъ надрывались они надъ непосильной работой.

Часовъ 8 проработали мы, однако подъ конецъ я такъ замаялся, что чуть ноги не подкашивались.

Мигомъ разсчитали насъ.

Вотъ взялъ я деньги и стою, этакъ понуривишсь: тяжелыя думы были у меня въ головѣ.

Николай замѣтилъ, видно, что̀ со мной дѣлается, положилъ мнѣ руку на плечо, да и говоритъ:

— Что, братъ, не ждалъ ты небось такихъ красавцевъ увидѣть?

— Да что это они, нешто всѣ изъ больницы только повыходили? спросилъ я.

— Да, изъ больницы, говоритъ Николай. Зовется та больница — безработицей, а болѣзнь ихъ — голодомъ. Только сегодня всѣ эти люди заняты, потому что вѣтеръ попутный дуетъ, такъ вотъ купцы и спѣшатъ нагрузить корабли. А нѣтъ вѣтру — сиди безъ работы да гложи землю, потому больше то вѣдь нечего. Вотъ какова наша доля!

Когда мы вышли на улицу, насъ обступила цѣлая толпа разнощиковъ съ разною ѣдою.

Всѣ кинулись на нее, какъ голодныя собаки.

Мы также подошли къ нимъ. Николай вынулъ изъ кармана мѣшечекъ, отложилъ туда нѣсколько копѣекъ, а на остальныя купилъ ѣды.

Я также отложилъ, потому думаю: нужно, значитъ, хотя колибъ всѣ деньги проѣсть, то и то было-бъ мало. Я видѣлъ, какъ многіе не только все проѣдали, но даже забирали въ долгъ.

— Куда-же мы теперь пойдемъ? говоритъ Николай.

Я молчалъ.

Подумалъ Николай, наконецъ говоритъ:

— Постой, у меня есть знакомый ткачъ. Тѣсновато у него, ну да ничего, я сведу тебя къ нему.

— Ну, а ты то самъ куда?

— А у меня квартира просторная, всюду мѣсто есть, сказалъ онъ съ веселымъ смѣхомъ и махнулъ рукой на городъ.

— Нѣтъ, говорю, ужъ коли идти, такъ идти обоимъ. а одинъ я не хочу.

Ласково посмотрѣлъ на меня Николай и говоритъ:

— Ну, ладно, и я съ тобой пойду.

Мы пошли съ толпой рабочихъ по улицамъ. Теперь я не узнавалъ города. На улицахъ была сплошь точно ярмарка. По панелямъ двигались сплошной стѣной разряженные баре, купцы, барыни. Никогда не видывалъ я такого богатства. Одннхъ золотыхъ серегъ да жемчугу съ бриліантами хоть мѣрками мѣряй. Они брезгливо сторонились отъ оборванной и грязной толпы, которая возвращалась съ работы, чтобъ она какъ нибудь не замарала ихъ.

Вдругъ Николай остановилъ меня. — Смотри, говоритъ, вонъ нашъ хозяинъ!

Я посмотрѣлъ и увидѣлъ блестящую коляску, запряженную парой чудныхъ лошадей. Сзади стояли два высокихъ лакея, всѣ обшитые золо-

тыми галунами. На козлахъ сидѣлъ третій. А въ коляскѣ, развалившись на бархатныхъ подушкахъ, сидѣлъ самъ хозяинъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, но рожа у него была блѣдная, истасканная, какъ у старика. Бѣлой рукой, усыпанной дорогими каменьями, онъ гладилъ маленькую собаченку, такую же паршивую, какъ и онъ самъ, и съ презрѣніемъ посматривалъ на насъ. Около него сидѣла какая то разряженная барыня въ бархатной шубкѣ.

Вдругъ онъ притронулся тросточкой къ спинѣ кучера. Кучеръ быстро повернулъ лошадей въ переулокъ прямо на насъ. Мы едва успѣли отскочить. Съ ногъ до головы насъ обдало грязью. Стиснувъ зубы, я смотрѣлъ вслѣдъ за экипажемъ.

— Что, видѣлъ, для кого мы маялись? сказалъ мнѣ Николай.

Я посмотрѣлъ на него. Онъ вытиралъ грязь со лба. Лицо его было немного блѣдно.

— Помни же, говоритъ онъ, что мы и вонъ вся эта толпа, всѣ эти старики, которые ему въ отцы годятся, мучились, чтобы онъ наряжалъ эту стерву да катался съ ней на бархатныхъ подушкахъ, да плевалъ на насъ.

Онъ замолчалъ и быстро пошелъ впередъ.

Мы подошли къ огромному дому, величиной съ дворецъ. Тутъ были главные магазины.

Я остановился и нѣсколько минутъ не могъ

проронить ни слова. Чего-чего тутъ не было! Кажись, и во снѣ не увидѣть такихъ богатствъ, какія на яву здѣсь были.

— Все, что ты видишь здѣсь, говоритъ Николай, — все это сдѣлано нашими руками для нашего хозяина и для такихъ какъ онъ. А тѣ, которые работали все это, живутъ такъ, какъ и мы!

Мы прошли нѣсколько шаговъ, и онъ снова остановилъ меня.

— Видишь — говоритъ — этотъ магазинъ? и онъ указалъ мнѣ на огромный магазинъ разныхъ матерій.

Бархатъ, шелки съ узорчатыми цвѣтами, кисея и всякія другія матеріи точно на картинкѣ красовались въ окнахъ. Толпа расфуфыренныхъ барынь кишѣла въ немъ. Прикащики въ бѣлыхъ галстухахъ не успѣвали отмѣривать.

Давши мнѣ насмотрѣться, Николай сказалъ:

— А вотъ сейчасъ ты увидишь, какъ живутъ тѣ самые рабочіе, которые работаютъ на хозяина этого самаго магазина.

V.

Мы свернули въ узкій, грязный переулокъ и нѣсколько минутъ шли молча.

Пройдя квартала два, Николай вошелъ во дворъ и остановился передъ темной ямой, изъ которой торчали концы лѣстницы. Нагнувшись въ яму, онъ что-то крикнулъ; вдругъ изъ этой ямы показалась голова ребенка. Тутъ только я догадался, что здѣсь люди живутъ.

— Дома отецъ? спросилъ Николай.

— Нѣтъ, нѣту. Да вы подождите, онъ будетъ радъ.

Мы спустились за ребенкомъ и вошли въ квартиру ткача.

Ребенокъ вздулъ свѣчу, вставленную въ бутылку, и поставилъ на столъ. Медленно разгоралась она и освѣщала сырыя стѣны, которыя казались покрытыми стекломъ, потому что онѣ были совсѣмъ мокрыя, и вода ручейками сбѣгала съ нихъ. Со двора стекалъ дождь и всякія нечистоты, такъ что земляной полъ превратился въ настоящее болото. На полу валялось нѣсколько сноповъ мокрой соломы, а на ней спало нѣсколько маленькихъ дѣтей.

Пока я разсматривалъ комнату, ребенокъ успѣлъ уже вскарабкаться на колѣни къ Николаю. Одной рукой онъ обнялъ его за шею, а другой — теребилъ его за жидкую бороденку. Они, видно, были старые знакомые и большіе пріятели.

Николай разспрашивалъ ребенка объ отцѣ, и

тотъ все обстоятельно разсказалъ ему. Разсказалъ онъ, какъ недавно его прогнали съ фабрики, потому что хозяинъ завелъ машину. Какъ они голодали, какъ потомъ хозяинъ опять взялъ его, но уже не соглашался давать прежнюю плату.

Разсказалъ онъ, какъ заболѣли двое его младшихъ братишекъ, и какъ отецъ заложилъ подушку и позвалъ доктора, и какъ докторъ сказалъ, что нужно перемѣнить квартиру, потому въ этой сыро и холодно. Какъ отецъ засмѣялся, а мать заплакала, потому имъ скоро нужно будетъ нанимать худшую. Какъ потомъ умерли ребята, и какъ они всѣ плакали.

Много еще разсказывалъ ребенокъ Николаю, а я все слушалъ.

Было ужъ совершенно темно, когда вдругъ ребенокъ вскочилъ съ колѣнъ, закричалъ:

— Мамка идетъ! — и побѣжалъ по лѣстницѣ.

Вскорѣ онъ вернулся, а за нимъ и все семейство. Оно состояло изъ отца, матери и троихъ дѣтей. Старшей дѣвочкѣ было лѣтъ 10, а младшему пареньку лѣтъ 8. Всѣ они работали цѣлый день.

Андрей, — такъ звали хозяина, — ласково поздоровался съ нами и, когда узналъ, что Николай пришелъ къ нему ночевать, сказалъ:

— Милости просимъ! Ты вѣдь знаешь, что съ тобой я всѣмъ дѣлиться радъ!

Потомъ они стали разговаривать о своемъ житьѣ-бытьѣ. Андрей разсказалъ тоже, что и ребенокъ разсказывалъ:

Хозяинъ завелъ машину и прогналъ было половину своихъ рабочихъ, а потомъ, когда они успѣли namoриться голодомъ, велѣлъ сказать имъ, что онъ согласенъ принять ихъ опять, коли они вмѣсто 13-ти согласятся 15-ть часовъ работать, да еще плату сбавилъ. Разумѣется, рабочимъ пришлось согласиться.

— Вотъ теперь и маешься, какъ на каторгѣ, сказалъ Андрей, да еще всѣхъ дѣтей и жену таскаешь за собой. За то хозяинъ какой магазинъ открылъ на главной улицѣ! Видѣлъ, небось?

Онъ замолчалъ, но по лицу его я видѣлъ, какая злоба кипитъ въ его сердцѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока; онъ совершенно не похожъ былъ на Николая: онъ былъ ниже его ростомъ, но шире въ плечахъ и, должно быть, былъ очень силенъ. Густые черные волосы до половины закрывали его лобъ. Изъ подъ широкихъ бровей сверкали черные глаза. Злая усмѣшка играла подъ часъ на его губахъ.

Вскорѣ мы кое-какъ размѣстились и хозяинъ потушилъ свѣчу. Однако, я долго не могъ заснуть, не смотря на свою усталость. Неужели, думаю, всѣ работники такъ живутъ? Неужели

всѣ мужчины, женщины и маленькія дѣти работаютъ по 15 часовъ и заработываютъ такъ мало, что должны жить въ такихъ помойныхъ ямахъ?

Я рѣшилъ разспросить объ этомъ Николая на другой же день.

Когда я проснулся, на столѣ стоялъ уже завтракъ изъ картофеля съ водой. Андрей никакъ не хотѣлъ отпустить насъ на работу натощакъ.

Вся семья сидѣла уже за столомъ.

Тутъ я въ первый разъ посмотрѣлъ на дѣтей, потому вчера я заслушался того, что говорилъ Николай съ Андреемъ и не обратилъ на нихъ вниманія.

Сердце сжалось у меня отъ боли.

Они были худыя, блѣдныя, ни кровинки въ лицѣ. Работа, видно, такъ утомляла ихъ, что они и рукой двигали и головой поворачивали медленно-медленно, какъ будто все имъ было въ тягость. Глаза не блестѣли у нихъ, они ни разу не порѣзвились, ни разу не засмѣялись громко.

— Что ты такъ жалостно смотришь на нихъ? спрашиваетъ Андрей.

— Да ужъ больно изморены работой-то, говорю.

— То ли еще увидишь, говоритъ Андрей. У насъ вѣдь не то десятилѣтнія, а семилѣтнія работаютъ, и не по 15, по 18 часовъ въ сутки! Да, братъ, не изъ одного шелку да бумаги ткутся дорогія матеріи, а и изъ дѣтской крови! Не

одно золото и серебро течетъ въ сундуки къ хозяевамъ, течетъ туда и дѣтская кровь и материнскія слезы!

Онъ стиснулъ зубы и замолчалъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ тихо, какъ будто про себя, заговорилъ:

— Вонъ у меня былъ паренекъ, старшій самый. Когда ему было семь лѣтъ, я таскалъ его на спинѣ на фабрику. Работалъ онъ по 16 часовъ въ сутки и не смѣлъ ни на минуту отдохнуть. Когда его покормить нужно было, я становился на колѣни и подавалъ ему. Онъ бралъ одной рукой и ѣлъ, а другой ручонкой и въ это время долженъ былъ вертѣть колесо!

Не долго онъ прожилъ. На восьмомъ году онъ умеръ. За то какой славный ситецъ соткалъ онъ! я потомъ нарочно ходилъ смотрѣть его. Онъ былъ выставленъ въ окнѣ магазина. Я видѣлъ, какъ расфуфыренная барыня купила его.

Слеза прошибла меня, но Андрей былъ совершенно спокоенъ. Только глаза его блестѣли немного больше обыкновеннаго. Онъ всталъ изъ за стола и сказалъ:

— Ну, дѣти, пойдемъ теперь и мы ткать ситецъ для нашего благодѣтеля!

Онъ сказалъ на прощанье Николаю:

— Приходи, другъ, коли негдѣ будетъ пере-

ночевать. Его тоже приводи, прибавилъ онъ, указывая на меня.

Мы вышли. Я долго не могъ проговорить ни слова. Николай тоже былъ сумраченъ. Наконецъ я сказалъ:

— Скажи ты мнѣ по правдѣ истинной, неужели у васъ всѣ такъ живутъ?

— Да какъ тебѣ сказать, отвѣчалъ онъ, иной пожалуй и лучше живетъ. Есть у иного конура гдѣ нибудь на чердакѣ, гдѣ ихъ набито, какъ сельдей въ бочкѣ.

Иной одѣвается и ѣстъ получше, да только мало такихъ. А главное, что не приходится долго блаженствовать-то нашему брату! Ни одинъ не можетъ сказать, что завтра его не прогонятъ съ работы, и не придется ему тогда совсѣмъ околѣть съ голоду, да ночевать подъ мостами да заборами. А иные вѣдь и хуже живутъ.

— Да неужели бываетъ хуже? воскликнулъ я.

— А вотъ сейчасъ покажу, коли хочешь. Онъ вошелъ во дворъ, который со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ каменными домами, а сверху прикрывался деревянной крышей, какъ наши скотные дворы.

— Ну, видишь? говоритъ онъ.

— Вижу, такъ что-жъ?

— Какъ что-жъ? да вѣдь тутъ рабочіе живутъ.

— Да быть не можетъ! говорю. Вѣдь тутъ только скотинѣ ночевать можно, а не людямъ жить.

— А вонъ смотри—ребятъ сколько. Взрослые-то на работу ушли, а ребята остались.

Присмотрѣлся я и точно увидѣлъ по угламъ въ соломѣ кучи ребятишекъ. Няньчили ихъ шести и пяти-лѣтніе сестренки и братишки, которыхъ нельзя было взять на работу.

И сталъ тутъ Николай говорить, отчего мучится народъ. Разсказалъ, какъ его обираютъ всячески хозяева; какъ заставляютъ они его голодомъ идти работать за какую угодно плату; какъ съ каждымъ годомъ все крѣпче и крѣпче жмутъ они его.

Подъ конецъ онъ сказалъ, что пока работники будутъ работать по найму у хозяевъ, — такъ всегда будетъ. Только тогда рабочіе будутъ жить хорошо, когда сами станутъ хозяевами, когда будутъ владѣть артелью тѣми фабриками и заводами, гдѣ работаютъ.

Правду истинную говорилъ Николай, да только не могъ я еще тогда понять всего, что говорилъ онъ. И сказалъ я ему, что хорошо бы это, да только не можетъ этого быть.

— Подумай, сказалъ Николай.

VI.

По знакомымъ улицамъ мы дошли до пристани. Но то, что мы увидѣли, совсѣмъ не походило на вчерашнее. Вѣтеръ перемѣнился, грузки было мало, поэтому бо́льшая часть рабочихъ осталась безъ работы. И вотъ они толпились у воротъ и умоляли дать работу, какъ нищіе кусокъ хлѣба.

— Пойдемъ отсюда, поищемъ работы въ другомъ мѣстѣ, сказалъ Николай. Тутъ всѣ почти семейные, стыдно отбивать у нихъ!

Мы пошли на рынокъ, куда собирались всѣ рабочіе, которымъ безъ работы приходилось оставаться.

Цѣлая толпа стояла ихъ тамъ. Мы стали въ сторонѣ и смотрѣли.

Тутъ только я понялъ, что работники всегда должны остаться въ рабствѣ у тѣхъ, кто можетъ по своей волѣ заставлять ихъ голодать. Стоило показаться прикащику, какъ къ нему со всѣхъ ногъ кидалась толпа и умоляла дать работу, не спрашивая о цѣнѣ, о работѣ, объ условіяхъ. Да и какъ могло быть иначе? Вѣдь у бо́льшей части были семьи, а по ихъ измореннымъ лицамъ, по отрепьямъ, въ которыя они были одѣты, можно было судить, каково живется имъ!

Мы стояли въ сторонѣ и ждали. Когда самые здоровые и сильные были уже разобраны, къ намъ вдругъ подошелъ какой-то молодецъ и говоритъ:

— Согласны тяжелую работу работать?

Мы отвѣчали: согласны!

— Ну, такъ ступайте за мною.

Онъ повелъ насъ въ контору. Тамъ уже стояло человѣкъ десять другихъ рабочихъ, и намъ велѣли идти на кирпичный заводъ, который былъ верстахъ въ 50-ти отъ города.

Мы потребовали, чтобъ намъ за два дня деньги выдали на проходъ. Хозяинъ отказалъ на отрѣзъ.

Тогда поднялась вся артель. Всѣ они думали, что имъ выдадутъ, но узнавши, что не дадутъ ничего, — всполошились, потому оказалось, что ни у одного не было гроша за душой.

Тогда хозяинъ согласился дать намъ на проходъ, какъ будто за работу.

Мы взяли деньги и ушли, чтобъ пообѣдать передъ дорогой. Николай вынулъ прежде всего свой мѣшочекъ и опять отложилъ туда, кажись, четверть того, что получилъ.

Тутъ ужъ меня раздумье взяло. Не таковскій, думаю, человѣкъ Николай, чтобъ деньги копить, а самому у другихъ хлѣбъ ѣсть. Видно, на какое дѣло собираетъ. Хорошо, думаю, коли бъ сказалъ. Я тоже сталъ бы отдавать ему.

Вотъ и спрашиваю я его:

— Скажи ты мнѣ, другъ, на какое дѣло ты деньги собираешь?

Усмѣхнулся онъ, да и говоритъ:

— Погоди. Много будешь знать, скоро состаришься. Прійдетъ время — скажу. Можетъ, и ты откладывать станешь.

Такъ ничего я у него и не добился.

Пообѣдавши, мы отправились въ путь, чтобъ на другой день поспѣть на заводъ. Мы прошли шумныя городскія улицы, потомъ и предмѣстья, и вышли въ поле.

Хлѣбъ былъ еще не убранъ, и не могъ я налюбоваться на него. Никогда я не видывалъ такого хорошаго хлѣба.

— Можетъ быть, только въ городахъ плохо живется, подумалъ я, а деревенскіе, должно быть, хорошо живутъ, коли такой хлѣбъ у всѣхъ.

Сказалъ я объ этомъ Николаю. Грустно покачалъ онъ головою и говоритъ:

— Коли-бъ въ деревняхъ хорошо жилось, то кто-бы гналъ народъ въ города? Значитъ, въ деревняхъ еще хуже живется, коли каждый день все идутъ, да идутъ изъ деревень на каторжную городскую работу.

— А что-жъ, говорю, хлѣба такіе хорошіе?

— Хлѣба! Да вѣдь тутъ нѣтъ ни одного мужицкаго снопа! Вся земля-то вѣдь у насъ

до послѣдней полоски, до послѣдняго клочка помѣщичья. У насъ нѣтъ совсѣмъ мужицкой земли. Мужики всѣ работаютъ батраками у помѣщика, а многихъ и помѣщики не берутъ, ну, и идутъ они тогда на каторгу въ города. Вотъ, братъ, что̀ гонитъ ихъ изъ родимой сторонушки въ лапы къ городскимъ піявицамъ.

— Вотъ оно что, подумалъ я. Такъ вотъ отъ чего хлѣбъ-то такъ хорошъ!

— Погоди, заночуемъ въ ближней деревнѣ, говоритъ Николай. Увидишь самъ, каково живется здѣсь.

Была уже почти полночь, когда мы подошли къ деревнѣ. Однако во всѣхъ окнахъ былъ свѣтъ. Мы постучались въ нѣсколько избъ, но нигдѣ насъ не пускали: самимъ тѣсно, говорили. Наконецъ, въ одной насъ пустили за нѣсколько копѣекъ.

Мы вошли въ горницу, и вотъ, что я увидѣлъ:

Вся горница была биткомъ набита бабами и дѣтьми. Хотя она была всего шаговъ 5 въ длину и ширину, однако въ ней сидѣло нѣсколько бабъ и 14 дѣтей. Дѣти были малъ-мала меньше. Были тутъ не только семилѣтніе, но даже шести и пятилѣтнія крошки, которыхъ чуть отъ полу было видно. Никогда не повѣрилъ бы я, что могутъ заставлять работать такихъ малолѣтокъ. А что это была за работа! Здѣсь плели изъ

тонкой соломы шляпы для барынь, какія онѣ обыкновенно носятъ лѣтомъ. Острая солома безпрестанно рѣзала дѣтямъ пальцы и губы, потому что онѣ смачивали ее слюною. Однако онѣ ни на минуту не пріостанавливали работы. Даже 5-ти лѣтнія дѣти работали съ такимъ вниманіемъ, что больно было смотрѣть. Но при мнѣ одинъ малютка выронилъ изъ рукъ шляпку и тотчасъ-же заснулъ отъ усталости. Хозяйка взяла плетку и подошла къ нему. Взвизгнула плетка и ударила по голымъ плечамъ бѣднаго ребенка. Онъ слабо вскрикнулъ, но не смѣлъ заплакать. Проворно схватилъ онъ работу, и быстро забѣгали его маленькіе пальчики. Я видѣлъ только, какъ слезы крупными каплями капали на нихъ.

— Ея это ребенокъ? тихонько спросилъ я у дѣвочки лѣтъ 12-ти, которая сидѣла рядомъ со мною и тоже плела шляпку.

— Нѣтъ, чужой, отвѣчала она. Къ ней матери присылаютъ дѣтей, коли у самихъ слишкомъ тѣсно.

— А рано начинается такая мука у васъ?

— Да часовъ съ 8-ми, а иногда съ 6, и до 10, либо до 12 ночи.

— Господи, да вѣдь это по 18 часовъ въ сутки! Неужто и пятилѣтніе ребята по стольку работаютъ?

— Да, работаютъ. Инда жалко смотрѣть,

какъ у такого пузыря глаза слипаются, а хозяйка хлещетъ его!

— Что ты тамъ разболталась? Работай! Рады отлынивать! крикнула хозяйка на дѣвочку.

Она замолчала. Я тоже не посмѣлъ распрашивать ее, чтобъ не досталось и ей изъ за меня.

Когда пробило на стѣнныхъ часахъ 12, хозяйка отпустила дѣтей. Мы легли спать, но долго мнѣ мерещился ребенокъ, котораго прибила при мнѣ хозяйка, и слышалъ я, какъ душилъ онъ свои рыданія; видѣлъ, какъ у него капали на работу слезы изъ глазъ.

Мы встали часовъ въ 8, а комната была уже набита дѣтьми, которыя работали. Когда мы проходили, ни одинъ изъ нихъ не поднялъ даже головы, чтобъ не пріостановить работы.

Когда мы вышли на улицу, Николай спросилъ меня:

— Ну что, хорошо живутъ у насъ въ деревняхъ?

Я молчалъ.

— Вотъ что дѣлается съ народомъ оттого, что землей владѣютъ помѣщики! сказалъ Николай.

И сталъ онъ мнѣ объяснять, что пока земля не будетъ крестьянской, до тѣхъ поръ народъ всегда будетъ мучиться въ такой кабалѣ.

Я подумалъ о русскомъ народѣ и сказалъ:

— Правду истинную говоришь ты. Да только какъ горю-то пособить?

— Какъ пособить? началъ Николай и посмотрѣлъ на меня.

Я ждалъ, что онъ будетъ говорить, но онъ вмѣсто того сказалъ:

— Подумай самъ! и замолчалъ.

— Да что это, говорю, ты точно дразнишь меня! Поднесешь кусокъ къ самымъ губамъ, а чуть я ротъ открою, ты сейчасъ назадъ!

— Смотри вонъ на того человѣка, сказалъ Николай, и онъ указалъ мнѣ на садовника, который поливалъ деревья, посаженныя вдоль дорожки, потому мы въ это время подошли къ барскому саду.

— Ну, чтожъ, говорю, садовникъ деревья поливаетъ!

— Такъ! Да только всѣ-ли подъ рядъ?

Я присмотрѣлся.

— Нѣтъ, говорю, онъ прежде смотритъ на листья; коли сухіе, не поливаетъ.

— То-то же, говоритъ Николай. Смекни-ка теперь, что къ чему.

Только потомъ я догадался, а тогда ничего я не понялъ.

VII.

Къ обѣду мы пришли на заводъ и тотчасъ-же явились въ контору. Потомъ мы пошли искать гдѣ бы поселиться и обѣдать, потому здѣсь у рабочихъ все должно быть отъ себя.

Долго мы искали, потому всюду было биткомъ набито. Дѣло въ томъ, что здѣсь тому, на чьей землѣ домъ построенъ, приходится особую подать платить. А какъ вся земля тутъ помѣщичья, то помѣщики и запрещаютъ строить для рабочихъ дома около заводовъ и фабрикъ. Вотъ и приходится рабочимъ нанимать углы по деревнямъ у мужиковъ и оттуда ходить на работу, часто верстъ за 6, за 7. Такъ же точно пришлось и намъ.

На другое утро, чуть свѣтъ, мы поднялись и пошли на работу. Мы пришли какъ разъ къ сроку, потому что рабочіе уже собрались и сейчасъ должны были идти на работу. Мы стали въ свой десятокъ, и я началъ разсматривать своихъ товарищей. Я уже зналъ, каково живется здѣсь рабочимъ, и потому ждалъ заранѣе, что увижу людей въ лохмотьяхъ, измореныхъ работой. Но все таки я ужаснулся, когда увидѣлъ своихъ товарищей, такъ они были изморены, болѣзненны, тщедушны.

Потомъ насъ повели на работу. Это была не работа, а сущая каторга. Работали мы по 15 часовъ въ сутки, а коли сосчитать, сколько на проходъ уйдетъ, такъ выходили всѣ 18. Однако у насъ считался рабочій день сокращеннымъ: на сосѣдскомъ заводѣ работали по 16 и 17 часовъ въ день. Работа была каторжная какъ есть. Приходилось таскать такія тяжести, возить такія тачки, что иногда искры изъ глазъ сыпались.

А работали не одни мужики, но и бабы и дѣти. Жалко было смотрѣть на нихъ, въ особенности на дѣтей. Тутъ были 8-ми, 7 и 6-лѣтніе мальчики и дѣвочки, которые должны были работать по стольку-же часовъ, какъ и большіе. Имъ приходилось таскать кирпичи и носить глину изъ ямъ. Несчастныя дѣти карабкались за непосильною тяжестью по скользкимъ скатамъ ямъ, скользили, падали вмѣстѣ съ грузомъ, снова подымались и опять тащили, изогнувшись въ три погибели. И такъ мучились они по 15 часовъ!

Къ концу работы я такъ замаялся, что руки и ноги стали у меня точно чужія. Поздно вечеромъ мы пошли домой.

Вотъ дорогой я говорю Николаю:

— Видѣлъ я муки народа вашего. Видѣлъ я, какъ живется народу въ городѣ и думалъ тогда, что горше этого ничего въ вѣкъ не увидѣть мнѣ. А въ деревнѣ я увидѣлъ еще горше! Опять

подумалъ я, что худшаго не увижу, а на заводѣ увидѣлъ еще худшее! Скажи-же мнѣ, неужто этому не будетъ конца? Неужто еще худшее доведется увидѣть мнѣ?

— Не знаю, доведется ли тебѣ увидѣть худшее, сказалъ Николай. А что народу доведется дожить до худшаго, такъ это вѣрно.

— Господи, что-же это будетъ! воскликнулъ я.

— Слушай, я разскажу тебѣ, что будетъ! сказалъ Николай.

Ты видѣлъ, какъ у насъ работаютъ. Видѣлъ, что не одни большіе, а и маленькія дѣти такъ работаютъ. А вѣдь коли скотину заставлять работать, пока она растетъ, да кормить въ проголодь, такъ потомъ, какъ ее ни корми, она все хилой останется. А вѣдь этимъ-то до старости никогда сытно поѣсть не удастся. Вотъ отчего и выходятъ изъ нихъ чахоточные, больные люди, которые въ 25 лѣтъ кажутся настоящими стариками. А что будетъ дальше? Дальше будетъ еще хуже! Отъ хилыхъ отцовъ родятся такія-же хилыя дѣти. А этимъ дѣтямъ опять прійдется съ шести лѣтъ нести ту-же каторгу. И вотъ, во всемъ народѣ мало по малу пропадетъ сила и здоровье, а вмѣстѣ съ ними пропадетъ и умъ, и смѣлость! Уже во многихъ губерніяхъ у насъ это началось, и недалеко то время, когда весь народъ сдѣлается болѣе

похожъ на хилую рабочую скотину, чѣмъ на людей. Будутъ ѣздить на немъ богатые, будутъ бить его, будутъ мучить, а онъ, какъ забитая кляча, будетъ тащить ихъ на своей спинѣ, понуривъ голову. Вотъ, что ждетъ впереди народъ!

Николай кончилъ.

Ужасъ охватилъ мою душу, потому вспомнилъ я тутъ слова Мудрицы Наумовны: „Увидишь ты своими глазами, что ждетъ впереди русскій народъ!"

— Такъ вотъ, что ждетъ его! подумалъ я и закрылъ лицо руками. Слезы, какъ крупный дождь, закапали у меня изъ глазъ.

— Чего ты плачешь? тихо спросилъ меня Николай.

— Плачу я о народѣ своемъ, который я люблю, сказалъ я. Плачу о томъ, что и его ждетъ тоже самое, потому и онъ въ кабалѣ у богатыхъ! Горе, горе ему! Горе и мнѣ, потому что я могу только плакать о немъ!

Николай подошелъ ко мнѣ, отвелъ руки мои и сказалъ:

— Не плачь!

Я поднялъ голову, потому что что̀-то невѣдомое было въ его голосѣ.

— Нѣтъ! не погибель ждетъ народа, сказалъ онъ, потому что онъ можетъ спастись отъ своихъ

мукъ. Не плакать о немъ, а помочь ему долженъ ты. Пойдемъ, и я все открою тебѣ.

VIII.

Мы пошли по дорогѣ, освѣщенной полнымъ мѣсяцемъ.

И разсказалъ мнѣ Николай, какъ послѣ долгихъ мукъ, рабочіе поняли наконецъ, что не будетъ конца ихъ мученіямъ, коли не соединятся они и не подымутся противъ враговъ своихъ. Какъ рѣшили они составить союзъ, куда вошли-бы рабочіе всего міра, потому что у всѣхъ рабочихъ одни и тѣже враги — цари, помѣщики, купцы, одна и таже цѣль — избавиться отъ всѣхъ ихъ.

Расказалъ онъ мнѣ, какъ росъ не по днямъ, а по часамъ этотъ союзъ. Какъ подобно громадному дереву развѣтвлялся онъ все шире и шире, и все глубже и глубже пускалъ онъ корни свои. Какъ среди всѣхъ народовъ есть уже участники его, и какъ свѣтъ расходится отъ нихъ, подобно свѣту отъ звѣздъ, разсѣянныхъ по темному небу.

И разсказалъ онъ мнѣ, какъ ужасомъ наполнились сердца злодѣевъ, потому почувствовали

они, что приближается ихъ конецъ. Какъ стали они гнать и преслѣдовать участниковъ этого союза, потому знали злодѣи, сколько злобы накопили они противъ себя въ сердцахъ народа.

И разсказалъ онъ мнѣ, какъ хватали распространителей этого союза, какъ судили они ихъ судомъ неправеднымъ, какъ сажали они ихъ въ тюрьмы, гдѣ не видѣли они свѣту бѣлаго, какъ ссылали ихъ въ безлюдныя страны, гдѣ самый воздухъ пропитанъ былъ смертью, куда и звѣри боятся забѣгать, куда и птицы не смѣли залетать.

Но не закрыть свѣта солнечнаго малой тряпицей!

Не удержать вѣтра буйнаго хворостиннымъ плетнемъ!

Не усидѣть ребенку малому на степномъ конѣ!

Не связать богатыря гнилыми лыками!

Уже просыпается богатырь и уже чуетъ онъ, что оковы на рукахъ его. И разорветъ онъ ихъ въ дребезги, лишь махнетъ руками богатырскими!

И горе тогда злодѣямъ, которые связали его, когда спалъ онъ непробуднымъ сномъ!

Замолчалъ Николай, а я все слушалъ. И казалось мнѣ, что свѣтомъ небеснымъ озарились очи мои, и воскликнулъ я:

— Братъ мой возлюбленный! научи же ты меня, что долженъ я дѣлать, чтобы помочь ва-

шему великому дѣлу? я жизнь радъ отдать за него!

И отвѣчалъ онъ мнѣ:

— Что должна дѣлать свѣча, когда огонь прикоснулся къ свѣтильнѣ ея? Она должна свѣтить всѣмъ находящимся въ комнатѣ. То же дѣлай и ты. Открывай глаза братьямъ своимъ, объясняй имъ, отчего происходятъ ихъ муки, показывай, гдѣ враги ихъ. — Пусть будетъ для тебя потеряннымъ тотъ день, когда не удалось тебѣ открыть глаза ни одному изъ братьевъ твоихъ. Пусть не будетъ у тебя ни одной думы, кромѣ этой!

— Хорошо, сказалъ я ему. Клянусь тебѣ, что исполню все то, что сказалъ ты мнѣ. Но скажи мнѣ, что же нужно еще?

И отвѣчалъ онъ мнѣ:

— Поклянись, что ни огонь, ни желѣзо, ни голодъ, ни жажда не заставятъ тебя открыть того, что я скажу тебѣ.

И снялъ я съ груди мѣдный крестъ, которымъ благословила меня передъ смертью мать моя, и поклялся я на этомъ крестѣ великою клятвою, что не повернется языкъ мой, когда будутъ жечь меня медленнымъ огнемъ, когда будутъ рвать мое тѣло раскаленными клещами. Поклялся я, что собственною рукою вырву языкъ свой, если хоть одно слово промолвитъ онъ. Поклялся, что

готовъ умереть въ пыткахъ за великое дѣло освобожденія народа.

— Такъ будь же нашимъ товарищемъ! сказалъ мнѣ Николай. Великое и опасное дѣло задумали мы, но не страшно и голову сложить за него. Смотри на эту березу: уже пожелтѣли листья на ней и готовы упасть, но не успѣетъ она покрыться новыми листьями, какъ страшный пожаръ запылаетъ по всей странѣ.

Не успѣетъ замерзнуть этотъ ручей, какъ кровь широкимъ потокомъ устремится въ него и выйдетъ онъ изъ береговъ своихъ; потому приближается страшная смертельная борьба между рабочимъ людомъ и утѣснителями его.

Уже по всей странѣ разсыпались наши друзья и товарищи; уже повсюду точатъ они втихомолку ножи и раздуваютъ фитили.

И скоро поднимется весь народъ на злодѣевъ своихъ: на всѣхъ помѣщиковъ, хозяевъ, чиновниковъ, отъ которыхъ нѣтъ ему просвѣта. Рѣкой польется кровь, огненнымъ моремъ запылаютъ пожары. Но, какъ ржавое желѣзо очищается въ горнѣ, такъ обновится и міръ послѣ этой борьбы.

IX.

Прошло нѣсколько недѣль. Работа потянулась у насъ день за днемъ. Цѣлый день намъ приходилось работать какъ каторжнымъ. Однако для Николая и это время не пропадало даромъ. Не успѣли мы проработать и трехъ дней, какъ Николай зналъ уже всѣхъ товарищей. Мало того, онъ успѣлъ уже передружиться со многими, потому не видывалъ я человѣка, который скорѣе его умѣлъ бы дружиться съ людьми.

Во время работы онъ всегда перекидывался словцомъ съ тѣмъ, либо съ другимъ изъ своихъ товарищей, то насчетъ работы, то насчетъ житья, то насчетъ чего другаго. А самъ смотрѣлъ во всѣ глаза. Потомъ я видѣлъ, какъ подходилъ онъ то къ тому, то къ другому и толковалъ съ нимъ.

Разъ Николай сказалъ мнѣ: Въ воскресенье мы пойдемъ на сосѣдній заводъ. Тамъ живетъ нѣсколько нашихъ товарищей, которыхъ я покажу тебѣ.

Не могъ я дождаться, когда придетъ этотъ день, потому — ни о чемъ не могъ я думать кромѣ этого.

Заводъ, куда мы должны были идти, былъ верстахъ въ 15. Чуть свѣтъ поднялся я, разбудилъ Николая, и мы пошли. Когда мы под-

ходили къ заводу, то я замѣтилъ, что онъ топится и на немъ работаютъ.

— Да неужто, говорю, у нихъ и праздниковъ нѣтъ?

— Да какъ же имъ быть-то? говоритъ Николай. Вѣдь тогда пришлось бы печи снова растоплять въ понедѣльникъ, а отъ этого печи портятся. А о томъ, что здоровье рабочихъ портится — объ этомъ некому думать.

У входа въ заводъ намъ встрѣтился одинъ рабочій. Онъ взглянулъ на насъ, и я невольно отскочилъ назадъ. — Я видѣлъ однажды человѣка, который отравился сѣрными спичками. Мнѣ показалось, что это онъ стоитъ передо мной. Лицо старика было все посинѣлое. Губы отвисли, челюсти дрожали. Зубовъ не было ни одного, а изъ десенъ текъ гной.

Я остановился какъ вкопанный.

— Чего ты испугался? говоритъ Николай.

— Мертвый, отравленный!

— Да гдѣ?

— Вонъ — старикъ!

— А, вотъ что! сказалъ Николай. Да только какой онъ старикъ! Ему двадцать пять лѣтъ всего. Я его знаю, а что онъ на отравленнаго похожъ — такъ и не мудрено: вѣдь на работѣ они отравливаются по немногу каждый день.

Мы вошли на самый заводъ, и тутъ только

я понялъ, какъ хозяева медленно отнимаютъ жизнь у своихъ рабочихъ.

Около печи стояло нѣсколько большихъ котловъ, а въ нихъ кипѣла сѣра и фосфоръ, которыми намазываютъ головки спичекъ. Отъ этихъ то котловъ подымался ядовитый, вонючій паръ, отъ котораго духъ захватывало. Около котловъ стояли рабочіе и макали туда кончики спичекъ, которыя вставлены были въ дырочки большихъ досокъ. Между рабочими были женщины и дѣти 7 и даже 6-ти лѣтъ.

— Здѣсь по 16 часовъ работаютъ даже дѣти, сказалъ Николай. Ѣдятъ тоже здѣсь — значитъ, все время вдыхаютъ ядовитые пары и медленно отравляются. Вотъ почему въ 25 лѣтъ они становятся ходячими мертвецами.

Мы спросили, гдѣ Матвѣй. Намъ сказали, что онъ перешелъ на стеклянный заводъ, и указали, гдѣ онъ живетъ.

Вскорѣ мы подошли къ дому, гдѣ жилъ Матвѣй, и взобрались на самый чердакъ. Тамъ у него была коморка въ одно окошечко, гдѣ онъ жилъ съ двумя товарищами. Когда мы вошли, онъ что-то писалъ, но замѣтивши Николая, онъ быстро всталъ и радостно поздоровался съ нимъ. Это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти.

— Вотъ новый товарищъ нашъ, сказалъ Николай.

Глубокой радостью засвѣтилось суровое лицо старика, и крѣпко обнялъ онъ меня, не говоря ни слова.

Николай ушелъ повидать другихъ товарищей и обѣщалъ привести кого нибудь изъ нихъ, а мы остались вдвоемъ съ Матвѣемъ.

Много говорили мы съ нимъ, но всего памятнѣе мнѣ то, что онъ говорилъ про русскій народъ.

Онъ сталъ расспрашивать меня, откуда я родомъ. Я сказалъ, что не изъ ихней я стороны, а изъ далекой, чужеземной, а пришелъ я къ нимъ, чтобы посмотрѣть, какъ у нихъ живется рабочему люду, потому у насъ — плохо.

— Да только вижу я, что у васъ еще хуже.

Онъ спросилъ, какъ же живется у насъ?

Я отвѣчалъ: Велика и обильна земля наша, широки наши рѣки безбрежныя, хороши наши луга поемные, высоки наши лѣса дремучіе, да и острогъ хорошъ, а скверно жить въ немъ острожникамъ.

И разсказалъ я ему, какъ всѣмъ завладѣли у насъ помѣщики, и какую муку безъисходную терпитъ отъ нихъ народъ. Разсказалъ, какую волю далъ ему царь. Задумался Матвѣй, — наконецъ спросилъ.

— Ну, такъ значитъ теперь, у васъ весь народъ долженъ идти наниматься въ батраки къ

тѣмъ же помѣщикамъ, либо поступать на фабрики и заводы къ купцамъ?

— Да, онъ долженъ, отвѣчалъ я, потому безъ этого онъ перемеръ бы съ голоду.

И сказалъ мнѣ Матвѣй:

— Горе же, горе народу вашему!

— Отчего? спросилъ я.

— Страшныя муки ждутъ дѣтей его. Волосы встали бы дыбомъ у тебя, если бы ты увидѣлъ ихъ! Какъ охотнику, который уже совсѣмъ измучился въ борьбѣ съ волкомъ, не устоять, коли медвѣдь кинется на него, такъ и вашему народу, который уже доведенъ до теперешняго рабства помѣщиками, не устоять, когда богатые вцѣпятся ему въ горло.

И прочиталъ онъ мнѣ изъ старыхъ книгъ, какъ жилось англійскому народу встарину, когда онъ только что началъ работать по найму на богатыхъ. И узналъ я изъ этихъ книгъ, что не было тогда народа богаче и свободнѣе англичанъ. Не болѣе восьми часовъ работали они и заработывали столько, что всего 4 дня въ недѣлю работали, а остальные 3 дня гуляли, потому всего имъ въ волю было. А о женской и дѣтской работѣ тогда и помину не было!

— Съ тѣхъ поръ прошло менѣе 70-ти лѣтъ, сказалъ Матвѣй, и въ эти 70 лѣтъ богатые закабалили насъ такъ, какъ никогда никакіе по-

мѣщики закабалить не могли. Работаемъ мы не по 8, а по 16-ти часовъ въ день. Не 4 дня, а подчасъ и всѣ 7 дней въ недѣлю, да и не одни, а съ женами и малыми ребятами. А что мы заработываемъ! Скотина у самаго сквернаго хозяина живетъ лучше, чѣмъ мы живемъ!

— Скажи же мнѣ, какимъ колдовствомъ богатые въ 70 лѣтъ довели до этого народъ?

— Не колдовствомъ, а голодомъ, сказалъ Матвѣй. Коли народъ вольный, да нечего ему ѣсть, такъ онъ тоже, что конь, съ котораго сбросили узду, да накинули ему на шею арканъ; богатые голодомъ держатъ его въ такой же неволѣ, какъ держали помѣщики палкой. Да только та разница, что какъ арканъ съ каждой минутой все туже и туже душитъ шею коня, такъ и богатые — голодомъ забираютъ народъ все въ горшую и горшую неволю.

Есть предѣлъ грабительству самыхъ жадныхъ помѣщиковъ — это ихъ собственная выгода. Коли помѣщикъ заморитъ своихъ крѣпостныхъ непомѣрной работой, то онъ самъ раззорится, потому что весь свой доходъ онъ получаетъ отъ работы своихъ собственныхъ крѣпостныхъ. Онъ не можетъ обмѣнить ихъ на новыхъ, свѣжихъ. А коли теперь помѣщикъ или фабрикантъ нанимаетъ рабочихъ и голодомъ заставляетъ ихъ согласиться работать столько, что они въ нѣсколько

лѣтъ потеряютъ силу и здоровье, то отъ этого ему кромѣ выгоды ничего не будетъ. Онъ прогонитъ заболѣвшихъ и слабыхъ, а на ихъ мѣсто найдетъ сотни охотниковъ, которые изъ за куска хлѣба пойдутъ на какую хочешь каторгу. Вотъ почему нѣтъ предѣла кровопійству богатыхъ. Вотъ почему они пользуются несчастіемъ народа и голодомъ заставляютъ его нести такую муку, какую ты у насъ видишь. А вѣдь то, до чего они доведутъ васъ, еще страшнѣй того! Горе же, горе народу твоему! Горе отцамъ, которые радуются на дѣтей своихъ! горе матерямъ, которыя кормятъ и лелѣютъ младенцевъ своихъ! Ужасны муки народа нашего, а о томъ, до чего доведутъ они васъ, даже и подумать страшно! Откройте же глаза и взгляните на пропасть, передъ которою стоите! Вы избавились отъ кабалы помѣщичьей, а ждетъ васъ еще худшая кабала — купеческая. Все отнимутъ у васъ купцы, какъ у насъ отняли. Будутъ они замаривать васъ на своей проклятой работѣ, какъ насъ замариваютъ. Потеряете вы силу и здоровье на ней, какъ мы потеряли. Подымитесь же, пока не поздно, пока купцы не насосались вашей крови, пока не окрѣпли они какъ у насъ, потому тогда трудно будетъ справиться съ ними. Подымитесь, пока не отняли они у васъ силы и здоровья, которыя еще остались

отъ помѣщиковъ, потому тогда уже не подняться вамъ.

Умолкъ Матвѣй, а я подумалъ: Правду истинную сказалъ онъ. Вернусь же я къ народу русскому и скажу я всю правду братьямъ моимъ.

Но тутъ подумалъ я о темнотѣ народа русскаго и сказалъ я:

— Правдивы слова твои, но не сказалъ я тебѣ про величайшее несчастье народа нашего: Опутали злодѣи умъ его. И слушаетъ онъ ихъ, и покорно, какъ волъ несетъ онъ ярмо свое!

— Нѣтъ народа, который былъ бы глухъ къ словамъ правды, сказалъ Матвѣй, какъ нѣтъ человѣка, который не захотѣлъ бы пить чистую воду, когда ему дадутъ ее вмѣсто грязной. Много вѣковъ затемняли народъ попы, чиновники и всякіе лжецы и лицемѣры. Но во вѣки не затемнить имъ его въ конецъ, потому что противъ нихъ правда, которая живетъ въ сердцѣ каждаго человѣка. Тысячу лѣтъ попы твердили народу, что господа, чиновники и богатые должны жить въ свое удовольствіе, а народъ долженъ терпѣть для этого вѣчную муку; что народъ долженъ работать хуже скотины, чтобы господа могли ничего не дѣлать; что народъ долженъ голодать, чтобы они могли объѣдаться.

Что же, развѣ народъ повѣрилъ имъ?

Нѣтъ. Если бы они еще тысячу лѣтъ твер-

дили объ этомъ народу, то и тогда, въ глубинѣ души, онъ никогда не повѣрилъ бы. Сердце народа — это родникъ, который засорился. Копни его разъ-другой лопатой, и чистая струя брызнетъ изъ него и сама собой снова очиститъ его. Не очищать, а только копнуть приходится всякому, кто проповѣдуетъ народу истину.

— Но мало у насъ людей, которые пошли бы открывать народу правду, сказалъ я.

— Но когда же, и гдѣ же ихъ было много? отвѣчалъ Матвѣй. Вѣдь и у тѣхъ народовъ, которые подымаются противъ враговъ своихъ, такихъ людей не много. Всегда и повсюду немного. Всегда и повсюду немного насъ, но велика наша сила. Много нужно людей согнать, чтобъ вкатить камень на высокую гору, а съ горы и одинъ человѣкъ скатитъ его. Много нужно поповъ да лгуновъ разныхъ, чтобы обморочить народъ, потому что противъ нихъ правда, скрытая въ сердцѣ каждаго человѣка. Намъ же не нужно много, чтобы открыть народу то, что и безъ насъ онъ чувствуетъ уже, чтобы разорвать на глазахъ его пелену, которая уже сама надтреснута. Мы — искры, брошенныя въ скирду соломы. Одна искра зажигаетъ цѣлый стогъ, а отъ него загорается все поле.

Въ это время сзади насъ послышался шорохъ. Я обернулся и увидѣлъ, что въ комнатѣ былъ

Николай, а съ нимъ еще два человѣка. Они, какъ видно, уже давно вошли, но мы не замѣтили ихъ. Они поздоровались со мной, какъ съ роднымъ, и сѣли за столъ. Мы начали разговаривать.

Я спросилъ, много ли ихъ? Они сказали, что человѣкъ двѣнадцать.

— Гдѣ же другіе, спросилъ я.

— На сосѣдніе заводы разошлись повидать своихъ знакомыхъ, отвѣчали они.

И разсказали они, какъ быстро ростетъ ихъ союзъ; какъ жадно слушаетъ весь придавленный людъ ихъ слова.

— Но приближается время, когда мы еще не то увидимъ, сказалъ Матвѣй.

И разсказалъ онъ намъ, что недавно царь объявилъ войну сосѣднему царю, чтобъ увеличить свою землю и свою власть.

— Но въ гордости своей онъ не видитъ, что идетъ къ собственной погибели, сказалъ Матвѣй. Страшная это будетъ война. Много крови и денегъ будетъ она стоить народу. Никогда еще не приходилось ему нести такого бремени, какое онъ несетъ черезъ нее. И горе всѣмъ богатымъ и власть имѣющимъ, которые налагаютъ на народъ эту послѣднюю тягость. Какъ вѣсы отъ послѣдняго фунта падаютъ къ землѣ; какъ быкъ отъ послѣдняго удара теряетъ терпѣніе и взбра-

сываетъ на рога своего вожатаго, — такъ и народъ не вынесетъ наконецъ всѣхъ мукъ своихъ.

— Великія дѣла, быть можетъ, увидимъ мы, сказалъ Матвѣй.

Много еще говорили мы, и давно уже прокричали пѣтухи, когда мы ушли отъ Матвѣя.

Почти цѣлую ночь шли мы до завода и не пошли уже ночевать домой, а легли подъ стогомъ, чтобы соснуть часа два передъ работой. Но никогда не помню я такой хорошей ночи!

На другой день мы встали на работу проспавши всего часа полтора, но никогда не было у меня такъ легко на сердцѣ!

X.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Слова Матвѣя начали сбываться, какъ нельзя больше.

Началась страшная война. Рекрутовъ все набирали да набирали. Для войны забирали у мужиковъ лошадей и скупали по казенной цѣнѣ хлѣбъ, такъ что начался уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голодъ. Волненіе росло съ каждымъ днемъ. Повсюду: въ кабакахъ, на площадяхъ слышались самые бунтовскіе разговоры:

— А будь они прокляты со своею войною, говорили въ одномъ мѣстѣ.

— Самихъ-бы перерѣзать, чтобы не губили попусту народъ.

Въ другомъ мѣстѣ говорилось:

— Вишь подлое отродье! Небось не продаютъ своихъ каретъ да золотыхъ вещей, а у насъ послѣднюю лошаденку, послѣдній куль хлѣба отнимаютъ. Ну—да погодите! Отзовутся кошкѣ мышкины слезы!

— Ну, будетъ каша, говаривалъ Николай, слушая такія рѣчи.

Понятно, что нашъ союзъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Не прошло и мѣсяца послѣ того, какъ мы поселились на заводѣ, а у насъ было уже человѣкъ 10 товарищей, на которыхъ можно было положиться, какъ на каменную гору. Однако легко можно было набрать и втрое больше, но Николай и прочіе товарищи всегда говорили мнѣ:

— Пусть лучше будетъ меньше, да надежныхъ. Одинъ можетъ испортить все дѣло своею неумѣлостью, либо болтовней.

— Да вѣдь зачѣмъ-же терять другихъ-то, отвѣчалъ бывало я.

— Кто-жъ тебѣ говоритъ, что мы ихъ теряемъ. Коли нашелъ ты человѣка, что не трусить, а пойдетъ за правое дѣло, не теряй его. Веди съ нимъ знакомство. Держи его на примѣтѣ. Но коли онъ либо болтаетъ зря, либо пьяница,

либо не твердъ въ мысляхъ — сегодня одно, завтра другое, — такъ не говори ему ничего до поры до времени. Держи его на готовѣ. А какъ настанетъ время, открой ему. Тогда ты не только ничего не потеряешь, а выиграешь: эти люди — что солома: вспыхнетъ сразу и загорится, за то скоро и потухнетъ. Нельзя зажигать солому прежде времени. Въ нашемъ союзѣ должны быть люди, похожіе на раскаленное желѣзо: одинъ кусокъ зажжетъ не только стогъ соломы, а и костеръ самыхъ сырыхъ дровъ.

Подумавши, я тоже сознался, что они правду говорятъ.

Разъ Николай сказалъ намъ:

— Время приближается. Нужно собраться со всѣми силами. Пошлемъ за Андреемъ. Пусть онъ поступитъ на прокатный заводъ, что недалеко отъ насъ. Въ городѣ и безъ него много нашихъ. А на прокатномъ нѣтъ никого. А коли онъ туда поступитъ, такъ черезъ нѣсколько недѣль будутъ десятки — я знаю его.

Всѣ мы согласились и рѣшили послать Андрею сколько нужно на проѣздъ изъ общественныхъ денегъ, что составились изъ тѣхъ, что каждый откладывалъ, потому у него самого ничего не было.

Черезъ недѣлю Андрей уже былъ на прокатномъ заводѣ.

XI.

Прошло мѣсяца полтора. Разъ Николай сказалъ намъ, что Андрей прислалъ сказать ему, — пусть приходитъ: пора, молъ; Николай пошелъ и взялъ меня съ собой.

Заводъ былъ верстахъ въ 30-ти. Когда мы пришли, начало уже смеркаться. Андрей, какъ видно, ждалъ насъ, потому что, поспѣшно поздоровавшись, онъ вышелъ.

— Пойду къ своимъ, сказалъ онъ. Черезъ часъ зайду за вами. Подождите.

Черезъ часъ онъ дѣйствительно вернулся и сказалъ:

— Пойдемъ!

Мы вышли, и молча пошли за Андреемъ по извилистымъ и темнымъ переулкамъ. Наконецъ онъ остановился передъ одной избой и тихо шепнулъ:

— Здѣсь.

Пройдя черезъ темный дворъ, мы вошли въ избу.

Въ ней уже сидѣло человѣкъ пятнадцать рабочихъ.

Тусклый свѣтъ сальной свѣчи освѣщалъ ихъ суровыя лица. Тутъ были и сѣдые старики, но больше молодыхъ и среднихъ лѣтъ. Лица были

суровыя, закоптѣлыя отъ дыма, но смѣлыя и рѣшительныя. Особенно поразилъ меня одинъ человѣкъ. Ему было лѣтъ сорокъ пять, но глаза горѣли какъ у юноши. Огромная голова его была покрыта всклокоченными сѣдыми кудрями.

— Это тоже изъ вашихъ? спросилъ я Андрея.

— Нѣтъ, его прислали рабочіе съ сосѣдняго литейнаго завода. Зовется Өомой Косымъ.

— Всѣ-ли? спросилъ хозяинъ дома.

— Всѣ! отвѣчали изъ толпы.

Тогда поднялся съ своего мѣста Андрей и началъ:

— Братья и товарищи! Каждому изъ васъ говорилось, за чѣмъ мы соберемся сегодня. Теперь я повторю это всѣмъ. Не за тѣмъ собрались мы, чтобы говорить о мукахъ нашихъ — онѣ написаны на нашихъ лицахъ, на нашихъ отрепьяхъ. Не за тѣмъ собрались мы, чтобы говорить объ обидахъ, которыя мы терпимъ отъ нашихъ хозяевъ — онѣ написаны въ памяти у каждаго. Собрались мы, чтобы рѣшить — будемъ ли мы еще терпѣть ихъ, или же попытаемся сбросить съ шеи хомутъ, который надѣтъ на насъ, — попытаемся подняться съ земли, на которую повалили насъ, и взглянемъ въ лице злодѣямъ? Уже соединились братья наши, чтобы встать на враговъ нашихъ, и вотъ теперь зовутъ они насъ стать за одно съ ними. И прислали они одного

изъ среды своей, чтобы онъ принесъ намъ ихъ зовъ. Такъ выслушаемъ же, что они скажутъ и рѣшимъ потомъ, какъ намъ поступить.

Тогда всталъ Николай и сказалъ:

— Да, мы соединились, чтобы подняться противъ хозяевъ и помѣщиковъ, которые грабятъ насъ, и противъ властей, которыя защищаютъ ихъ, и мы зовемъ васъ — будьте съ нами за одно! Соединимся противъ враговъ нашихъ, чтобы отнять у нихъ землю и все, что добыто нашими трудами и отнято у насъ, — чтобы отнять у нихъ волю нашу, которой они лишили насъ, — отнять счастье, до котораго они одни не допускаютъ насъ.

Всякая тварь божья радуется вольной волею, у насъ однихъ отняли ее хозяева, помѣщики, да царь съ чиновниками. Пташки вольныя гдѣ хотятъ собираютъ зернушки, и ни одна не скажетъ другой — эти зерна мои, и ты не смѣй брать ихъ. А помѣщикъ говоритъ: этотъ хлѣбъ, который ты добылъ своими трудами, и до котораго я пальцемъ не дотронулся — мой, и ты не смѣй брать его, а кормись изъ моихъ рукъ и за это будь рабомъ моимъ. Гдѣ хотятъ вьютъ гнѣзда птицы, гдѣ хотятъ роютъ норы звѣри, а намъ помѣщикъ говоритъ: эта земля, до которой я не коснулся пальцемъ своимъ, этотъ лѣсъ, въ которомъ я ни одного деревца не посадилъ, —

мои, и ты не смѣй строить избы для себя и дѣтей своихъ, а выпрашивай ее у меня и за это будь рабомъ моимъ. Нѣтъ у насъ земли, не на чемъ намъ жить съ дѣтьми нашими. И вотъ, бѣжимъ мы въ города, чтобы жить тамъ честнымъ трудомъ рукъ своихъ. Но изъ огня попадаемъ мы въ полымя. Изъ лапъ помѣщика попадаемъ мы въ лапы къ купцу. Работаемъ мы какъ каторжные, а всѣми богатствами, что дѣлаемъ мы своими руками, владѣютъ хозяева, а намъ бросаютъ сухую корку, чтобъ мы не померли съ голода — потому тогда некому было бы работать на нихъ. Когда же приходитъ старость, то и сухой корки не даютъ они намъ, потому не нужны уже мы имъ. Тогда за всю трудовую жизнь околѣвай съ голоду подъ заборомъ, какъ собака! Братцы! Да гдѣ-же послѣ этого правда? Развѣ мы не такіе же люди, какъ они? Развѣ справедливо, чтобы весь народъ не зналъ ни отдыха, ни радости для того, чтобы кучка богатыхъ бездѣльничала, да издѣвалась надъ нимъ? Нѣтъ, братцы, довольно уже терпѣли мы надъ собою всякую неправду. Самая смирная скотина начинаетъ лягаться, когда слишкомъ сильно бьешь ее. А надъ нами издѣваются хуже, чѣмъ надъ всякой скотиной! Подымемся-же, братья, на нашихъ мучителей! Ложью и неправдою наполнили они всю землю. Очистимъ-же землю отъ

нихъ! Съ ними вмѣстѣ пропадетъ вся ложь и неправда. Не будетъ ни обмана, ни корысти, ни насилія, потому нѣтъ ихъ въ сердцѣ рабочаго народа. Все это отъ нихъ происходитъ, — отъ нищеты и темноты, въ которой они держатъ народъ. Такъ соединимся-же, братья, коли не хотите вы дольше терпѣть надъ собой неправды. Соединимся, потому только въ союзѣ можемъ мы одолѣть.

— Правда, правда! заговорили въ толпѣ.

— Довольно терпѣть! Натерпѣлись!

— Ужъ всѣ семь шкуръ содрали съ насъ.

— Самое тѣло ужъ рвутъ! Довольно имъ въ зубы смотрѣть!

Тогда снова заговорилъ Андрей.

— Ну, братцы, коли всѣ согласны, такъ нечего тянуть. Давайте потолкуемъ, какъ намъ поскорѣе за дѣло приняться, потому время теперь такое, какого не дождаться намъ.

— Вѣрно не дождаться, сказалъ Алексѣй, молодой парень изъ прокатчиковъ; народъ — что котелъ на огнѣ кипитъ.

— Такъ за дѣло, братцы, — заговорили прокатчики, — нечего тянуть!

Тутъ поднялся Ѳома, тотъ самый, про котораго я Андрея спрашивалъ.

— Дайте слово молвить, братцы; — сказалъ онъ.

— Говори, говори!

— Хорошо то, что говорили Николай съ Андреемъ, началъ онъ; еще лучше, что вы хотите ихъ послушать. Да только вотъ что я скажу вамъ: не выходи зря на медвѣдя; подумай прежде, по тебѣ ли охота, и тогда уже иди. Худо, коли, завидѣвши его, ты скажешь: зачѣмъ я пошелъ? Тогда уже поздно будетъ ворочаться-то. Я, братцы, первый разъ васъ вижу и, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, не знаю, что вы за охотники. Вотъ почему я спрашиваю васъ, подумали ли вы? Не шуточное дѣло бунтъ, нельзя зря идти на него. Лучше не начинать, чѣмъ, начавши, оглядываться да пятиться. Такъ подумайте же теперь, точно ли нѣтъ вамъ другаго спасенія? Отъ хозяевъ да помѣщиковъ нечего ждать пощады, но, можетъ быть, царь защититъ насъ; можетъ быть, онъ только не знаетъ нашихъ мукъ, а какъ узнаетъ, такъ уйметъ нашихъ грабителей? Такъ не послать ли намъ къ нему ходоковъ?

Громкій хохотъ прокатился по всему собранію.

— Вишь, что выдумалъ! говорили прокатчики. Шутникъ, право слово! Дуракомъ прикидывается! Точно не знаетъ, сколько нашихъ ходоковъ по острогамъ сидитъ.

Другіе даже обозлились, потому, видно, за живое задѣло.

— У меня два сына въ ходокахъ были; — ска-

залъ старый сѣдобородый прокатчикъ Лука. До самого царя доходили. Взялъ бумагу да генералу своему передалъ. А потомъ сыновъ-то моихъ въ острогъ! и теперь сидятъ. Вотъ больше ничѣмъ и не послужили міру честному. Нечего, братцы, болтать зря. Ну его!

— Нѣтъ, погодите, братцы, сказалъ Алексѣй; дайте слово молвить.

— Чудной ты человѣкъ, Ѳома, началъ онъ, когда всѣ пріумолкли; — коли ты думаешь, что охотникъ побоится на медвѣдя идти, такъ послалъ бы ты его хоть волковъ бить, а ты говоришь ему: не хочешь ли, другъ, въ пеньки пострѣлять! Коли бабѣ молоко нужно, да не можетъ она корову завести, такъ ты присовѣтывалъ бы ей завести хоть козу, а ты говоришь: не хочешь ли, милая, козла подоить! Неужто ты думаешь, что мы не знаемъ, что не дождаться намъ отъ царя спасенья, какъ отъ козла молока? Ты говоришь, царь, можетъ быть, уйметъ нашихъ грабителей. Да какъ ихъ уймешь? Одно только есть: отнять у нихъ землю и капиталы. Коли земля да капиталы ихними останутся, такъ вѣдь самъ ты полѣзешь къ нимъ въ кабалу и еще кланяться станешь, потому безъ этого прійдется тебѣ помирать съ голоду.

Такъ намъ ждать, значитъ, что царь отниметъ у помѣщиковъ землю, а у купцовъ капиталы,

да раздастъ намъ? Да вѣдь это то же, что ждать, что волкъ загрызетъ волчатъ своихъ за то, что они овецъ дерутъ!

Али кому невѣдомо, что искони вѣковъ цари только и думали, какъ бы утѣснить народъ, да помирволить своимъ друзьямъ, барамъ. Искони земля была нашей. А кто отнялъ ее, да отдалъ помѣщикамъ?—Царь. Искони народъ вольнымъ былъ, а кто закрѣпилъ его?—Царь. Кто пустилъ его по міру и отдалъ въ новую кабалу купцамъ да тѣмъ-же помѣщикамъ?—Царь. Кто наложилъ на него тяжкія подати, какихъ платить онъ не въ силахъ? — Царь. Кто отнимаетъ у него сыновей, чтобы заставить служить себѣ?—Царь. Кто шлетъ противъ насъ войско когда намъ не въ моготу терпѣть и мы соединяемся противъ хозяевъ, либо помѣщиковъ? — Царь! Такъ чего же ждать отъ него, коли искони вѣковъ кромѣ зла ничего мы отъ него не вѣдаемъ? Чего слать къ нему ходоковъ?

— Вотъ это ладно сказано. Нечего болтать про ходоковъ; — заговорила толпа.

— Вѣстимо нечего; —сказалъ другой парень. — Зачѣмъ царю наши ходоки? Чтобы повѣстить его о неправдѣ, которую терпимъ мы? Онъ, вишь, не знаетъ, что насъ грабятъ помѣщики да хозяева. Не знаетъ вѣрно, что и подати мы же ему платимъ. Да и недоимки, что вымучиваютъ у насъ.

тоже не знаетъ, откуда берутся. Ничего онъ вѣрно не знаетъ. Коли узнаетъ, что̀ мы терпимъ, такъ отдастъ намъ перво на перво помѣщичью землю. Потомъ, можетъ, и капиталы купеческіе. А то можетъ и подати собирать не станетъ и казну свою раздастъ, а самъ станетъ своимъ трудомъ жить? Такъ что ли? Вся бѣда, что ничего онъ не знаетъ про наши муки?

Слыхалъ я пословицу: шила въ мѣшкѣ не утаишь, а тутъ быка завязали въ мѣшокъ. Мечется онъ да реветъ, а царь держитъ веревку, да увѣряетъ, что ничего онъ не слышитъ!

Нѣтъ, братцы, и безъ насъ онъ все знаетъ, потому правда, что вода: набери воды въ пригоршню и держи какъ хочешь крѣпко, все она прольется сквозь пальцы. Не можетъ того быть, чтобъ не зналъ царь про наши муки. Ужъ не первый годъ, какъ мучимся мы, а все ничего отъ царя, кромѣ новыхъ утѣсненій, не видимъ. Значитъ, онъ либо не хочетъ, либо не можетъ помочь намъ. Такъ нечего ужъ намъ надѣяться на него: нечего молить дубъ, чтобъ вмѣсто желуди онъ выростилъ сладкія груши, молить сухой песокъ, чтобъ вмѣсто ковыли онъ выростил пшеницу. Искони вѣковъ ростутъ на дубѣ го кіе желуди и до скончанія вѣка будутъ рости на немъ, потому на то онъ и дубъ. Н ни вѣковъ ничего кромѣ бурьяна не р

на сыпучемъ пескѣ, не выростетъ и по вашей мольбѣ.

Тогда снова поднялся Ѳома и сказалъ.

— Все, что говорили вы, братцы, какъ есть вѣрно. А все таки, я скажу—подумайте, потому не все еще обдумали вы. Знаете ли вы, что такое бунтъ? Я разскажу вамъ это.

Когда мнѣ было десять лѣтъ, я помню, какъ наша деревня отказалась платить подати. Нѣсколько дней было на деревнѣ необыкновенно тихо. Наконецъ въ субботу (никогда не забуду я этого дня) утромъ насъ разбудилъ страшный шумъ. Я вскочилъ, подумавши, что должно быть пожаръ. Отецъ тоже проснулся. Взглянулъ въ окно и крикнулъ: солдаты! Я ничего не понималъ. Отецъ схватилъ что-то въ руки, заперъ насъ въ чуланъ и выбѣжалъ на улицу. Мы сидѣли ни живы, ни мертвы. Шумъ и крики все усиливались. Потомъ сразу стало все тихо, точно всѣ внезапно умерли. Еще страшнѣй стало намъ отъ этой тиши. Вдругъ раздался страшный трескъ, отъ котораго нѣсколько стеколъ разбились въ дребезги. А за нимъ послышались стоны и топотъ, какъ отъ бѣгущей толпы.

Вдругъ мнѣ показалось, что я услышалъ стонъ отца. Тутъ пропалъ мой страхъ. Я вырвалъ пробой, выбѣжалъ на улицу да такъ и обомлѣлъ. Я увидѣлъ отца, который лежалъ на землѣ по-

среди лужи крови. Изъ груди его ключемъ била красная кровь. Голова была раскроена какъ будто топоромъ, и все лицо было залито кровью. Около него не было никого: одна собака жалобно выла надъ нимъ, потому что всѣ бѣжали отъ солдатъ, а они гнались за бѣгущими и стрѣляли имъ въ догонку.

Я видѣлъ, какъ падали на землю старики, женщины, молодые парни, а солдаты топтали ихъ ногами.

Что было дальше — не знаю; потому тутъ выбѣжала изъ чулана моя старшая сестренка. Она схватила меня за руку, и мы убѣжали съ ней въ лѣсъ.

Три дня скитались мы по лѣсу ничего не ѣвши, а все не смѣли вернуться въ деревню. Наконецъ, на четвертый день голодъ заставилъ насъ прійти. Но что мы увидали! Вся деревня была выжжена! Весь хлѣбъ истоптанъ или съѣденъ конями. Всю скотину угнали или зарѣзали. Не было семьи, гдѣ бы не было убитаго или раненнаго!

Вотъ, братцы, что такое бунтъ. Пойдете ли вы на это?

Слова Ѳомы подѣйствовали на многихъ,— многіе опустили головы.

Тогда быстро поднялся Андрей. Лицо его было блѣдно, глаза горѣли, губы дрожали отъ гнѣва.

Онъ посмотрѣлъ на Ѳому и сказалъ:

— Что ты намъ глаза отводишь? что ты намъ жалостныя слова говоришь? Да, бунтъ страшное дѣло, а развѣ покорство не страшнѣй того?

Разскажу я тоже тебѣ одинъ случай, а ты ужъ сообрази, чей пострашнѣе будетъ.

Въ нашемъ уѣздѣ было много болотъ и много народу мерло отъ нихъ, потому никогда не переставала у насъ холера и другія болѣзни. Вотъ и рѣшили у насъ высушить эти болота. Ну, хорошо, высушили. Только вдругъ оказывается, что народъ сталъ умирать еще пуще прежняго. Отчего бы это, думали. Вотъ позвали мы человѣкъ пять докторовъ, чтобъ они сказали, въ чемъ дѣло. Пріѣхали, осмотрѣли все, какъ слѣдуетъ. Какъ ты думаешь, что они сказали намъ? Отчего мерло у насъ столько народу? Да оттого, что, какъ осушили болота, такъ завели у насъ фабрики и заводы. Отъ работы на нихъ мретъ народъ пуще, чѣмъ отъ холеры и другихъ болотныхъ болѣзней!

Вотъ что̀ такое фабричная работа! А вѣдь такъ работаютъ повсюду. Вѣдь во всякомъ городѣ, во всякомъ селѣ есть у насъ фабрика и во всѣхъ нихъ такая же работа. А развѣ батракамъ, что у помѣщиковъ работаютъ, легче живется?

Да, братцы! Нигдѣ рабочій человѣкъ не до-

живаетъ и половины вѣка, потому голодъ и нужда сводятъ его въ раннюю могилу. А развѣ легче умереть отъ голода, холода и чрезмѣрной работы, чѣмъ отъ пули? Нѣтъ; такая смерть много мучительнѣй! А вѣдь такъ гибнутъ каждый годъ сотни тысячъ нашихъ братьевъ! Вѣдь каждый годъ умираетъ отъ нужды половина всѣхъ дѣтей рабочихъ! Это пишутъ сами враги наши въ своихъ книгахъ. Гибнутъ, гибнутъ наши дѣти и братья безславно и безполезно, во всѣхъ углахъ и закоулкахъ, въ домахъ и фабрикахъ, въ лѣсу и въ полѣ, чтобъ добыть барышъ для своихъ злодѣевъ!

Мать сыра земля, коли-бъ вернула ты всю нашу кровь, что невидимо пролита на тебѣ, то залила бы она всѣ города и села, наполнила бы всѣ рѣки и озера, и стала бы въ нихъ вмѣсто воды кровь человѣческая!

Ни одинъ бунтъ не погубитъ столько народу, сколько гибнетъ каждый годъ отъ каторжной работы на нашихъ злодѣевъ. Такъ нечего же намъ бояться бунта! Лучше бунтъ, чѣмъ покой!

Не больше насъ погибнетъ. А коли и больше, такъ вѣдь не даромъ! Не барышъ, а смерть злодѣямъ нашимъ принесетъ наша гибель. Такъ пойдемъ смѣло на такую гибель! Тонуть, такъ тонуть въ ихъ крови! Сгорѣть, такъ сгорѣть вмѣстѣ съ ними, поджигаючи своей рукой домъ

въ которомъ пируютъ они! Подымемся-же, братья! Довольно мучили насъ! Довольно пили нашу кровь! Зальемъ теперь и мы всю землю кровью нашихъ злодѣевъ!

Андрей кончилъ свою рѣчь, какъ бы не человѣкъ говорилъ. Глаза его налились кровью. Голосъ былъ какъ ревъ дикаго звѣря. И всѣхъ насъ какъ огнемъ прожгло его слово.

Тогда поднялся Николай. Лицо его было печально.

— Нѣтъ, не на то зовемъ мы васъ, братья, тихимъ голосомъ началъ онъ: не крови злодѣевъ жаждемъ мы, а жаждемъ мы правды. Но не будетъ никогда правды на землѣ, пока цари, помѣщики да хозяева живутъ на ней. Ненавидь же ихъ всѣмъ сердцемъ, потому это значитъ, что ты ненавидишь ложь и насиліе; но помни, что ты подымаешься не для того, чтобъ пролить ихъ кровь и упиться ею, а для того, чтобы освободить отъ нихъ родъ человѣческій. Вотъ почему, братья, соединимся! Только когда побѣдимъ мы враговъ нашихъ, враговъ рода человѣческаго; только тогда очистимъ отъ нихъ всю землю нашу.

Велика сила враговъ. Много разъ побѣждали они народъ, когда подымался онъ противъ нихъ.

Но отчего побѣждали они его? Развѣ оттого, что мала сила народная передъ ихнею? Нѣтъ!

Насъ во сто разъ больше! Оттого побѣждали они, что не соединенъ былъ народъ. Онъ поднимался сегодня въ одномъ мѣстѣ, завтра въ другомъ. А враги всегда дѣйствовали дружно. Со всѣхъ концовъ царства собирали они солдатъ, когда не могли побѣдить народъ ближними войсками. Вотъ почему всегда побѣждали они. Въ союзѣ вся ихъ сила. Такъ соединимся-же, братья, и мы, чтобъ подняться какъ одинъ человѣкъ. И соединимся поскорѣе, потому никогда не было такого удобнаго времени. Не пропустимъ-же его, потому не вернется оно. Велико волненіе въ народѣ, а войска далеко. Враги не ждутъ ничего. Мы захватимъ ихъ врасплохъ, какъ ночной пожаръ, какъ землетрясеніе. Теперь должны мы подняться или никогда не подняться намъ. Теперь должны мы освободить себя, или никогда не освободиться намъ. Такъ неужели у насъ не хватитъ мужества? Неужели мы, какъ рабочая скотина, до самой смерти будемъ носить ярмо свое, чтобы передать его дѣтямъ? Братья! дѣти и внуки проклянутъ насъ за муки свои, потому скажутъ: они могли освободить себя и насъ, но не сдѣлали этого! Скажите-же: хотите ли вы воли, хотите ли счастья для себя и для дѣтей своихъ? или уже все, все и самую храбрость отняли у васъ ваши притѣснители?

Николай кончилъ.

Велико было дѣйствіе его рѣчи.

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы не хотимъ больше терпѣть! Мы подымемся по первому слову! — закричали всѣ какъ одинъ человѣкъ.

— Подымемся; — тихо сказалъ одинъ сѣдой прокатчикъ. И если погибнемъ мы, то дѣти наши будутъ свободны и будутъ поминать они мучениковъ, что погибли за ихъ волю! Поклянемся-же, братья, что забудемъ мы себя и отдадимъ послѣднюю каплю крови за правое дѣло.

Какъ одинъ человѣкъ встали со своихъ мѣстъ всѣ и поклялись они подняться за свободу свою и дѣтей своихъ; поклялись стоять дружно; поклялись, что жизнь готовы сложить за правое дѣло!

— Клянусь и я за себя и за своихъ товарищей! прогремѣлъ чей то голосъ. Всѣ посмотрѣли: то былъ Ѳома. Но его нельзя было узнать теперь, потому казалось, что это другой человѣкъ. Онъ заговорилъ, и голосъ его гремѣлъ какъ труба.

— Да, мы съ вами за одно! Я говорилъ вамъ, что̀ я видѣлъ, когда вернулся изъ лѣсу въ выжженную деревню. Но не все сказалъ я вамъ. Я не сказалъ вамъ, что поклялся отомстить злодѣямъ за смерть отца, за раззореніе семьи. Поклялся всю жизнь отдать на то, чтобъ

поднять противъ нихъ народъ, чтобы истребилъ онъ ихъ съ лица земли! И вотъ теперь насталъ желанный часъ! Я вижу теперь, что скоро, скоро придетъ воздаяніе за всѣ муки народныя, за всѣ злодѣйства, что совершали надъ нами. Да, братья, всѣ мы подымемся какъ одинъ человѣкъ! Всѣ мы пойдемъ на бой противъ злодѣевъ! У меня трое дѣтей, которыхъ поведу я въ битву. И если убьютъ всѣхъ насъ, то я умру спокойно, потому что еще есть у меня трое, которые еще не могутъ держать топора, не могутъ поднять вилъ; они останутся и отомстятъ за насъ!

Подымайтесь-же, братья! О насъ же не сомнѣвайтесь. Въ переднихъ рядахъ будемъ биться, и не увидятъ нашей спины враги наши, потому что скорѣе падемъ мы всѣ до послѣдняго, чѣмъ на шагъ отступимъ мы. Идите-же по заводамъ, по фабрикамъ, селамъ и городамъ и зовите другихъ, какъ насъ звали. Но будьте осторожны въ выборѣ, потому опасно дѣло наше. Испытайте товарищей прежде чѣмъ открываться имъ. А еще осторожнѣе соединяйтесь вы съ цѣлыми артелями. Еще тщательнѣе испытывайте ихъ. Не хорошо, когда между стропилами попало хоть одно гнилое бревно, потому что отъ него одного можетъ обрушиться крыша. Но горе, если цѣлый уголъ построенъ изъ гнилыхъ бре-

венъ, которыя не устоятъ при первомъ напорѣ вѣтра. Обрушится вашъ домъ и погубитъ онъ всѣхъ живущихъ въ немъ. Такъ будемъ-же смѣлы, какъ орлы, и осторожны, какъ дикія козы. Только тогда доведемъ мы до конца свое великое и опасное дѣло!

Велика была радость наша, когда мы услышали слова Ѳомы.

Радовало насъ то, что такой умный и твердый человѣкъ на нашей сторонѣ; еще больше радовало, что къ намъ вдругъ прибавилось столько новыхъ союзниковъ, которые стояли за нимъ. Но всего радостнѣе было, что нѣтъ у насъ разногласія и что всѣ мы имѣемъ одинъ умъ и одно сердце.

— Не страшны намъ враги, коли всегда будемъ такъ дѣйствовать, думалъ про себя каждый изъ насъ.

Послѣ этого сейчасъ-же мы начали обсуждать, слѣдуетъ ли ждать, пока нашъ союзъ раскинется по всему царству, или подняться съ тѣми силами, какія у насъ есть.

Нѣкоторые хотѣли еще подождать, но бòльшая часть была противъ того. Особенно стояли, чтобы не откладывать, Ѳома и Андрей.

Ѳома говорилъ:

— Хорошо, коли бъ можно было сразу подняться всей землей, да только нельзя дожидаться

намъ этого! Когда хозяинъ сушитъ хлѣбъ свой на полѣ, то онъ убираетъ его какъ только можно скорѣе. Онъ радъ бы оставить его еще посохнуть, но не дѣлаетъ этого. Почему? Потому знаетъ, что птицы расклюютъ его, пойдутъ дожди и помочатъ его, и тогда весь хлѣбъ пропадетъ. Точно также, братцы, съ нами! Опасно наше дѣло и каждую минуту можетъ погибнуть все, потому зорко смотрятъ за нами враги наши. Не тогда слѣдуетъ подниматься намъ, когда всѣ силы собрали мы, а когда у насъ собралось столько силы, что мы можемъ надѣяться на побѣду!

Братцы, нашихъ силъ довольно для этого! Мы успѣемъ продержаться противъ тѣхъ войскъ, которыя въ нашей губерніи. А пока враги соберутъ войска изъ дальнихъ концовъ, насъ уже будетъ нѣсколько сотъ тысячъ, потому велико волненіе во всей землѣ; на него наша надежда. Такъ нечего же намъ медлить и откладывать, потому ничего добраго не дождаться намъ!

Тѣ, кто былъ на собраніи, порѣшили, что откладывать нечего и назначили оповѣстить объ этомъ всѣ артели, чтобы каждая обсудила это дѣло и прислала отъ себя выборнаго. Срокъ и мѣсто, гдѣ собраться выборнымъ, назначены были тутъ же.

XII.

До срока оставалось очень мало. Это время всѣмъ намъ нужно было работать за четверыхъ, чтобы сдѣлать какъ можно больше. Мы почти не ходили на работу, потому не о штрафахъ было думать. Каждый день приходилось навѣдываться по окрестнымъ деревнямъ, фабрикамъ и заводамъ, чтобы уговориться о разныхъ нужныхъ вещахъ съ нашими товарищами, и заводить какъ можно больше знакомствъ. Дѣло кипѣло у насъ. Всѣ были бодры и мужественны. Никто не падалъ духомъ. Откладывать почти никто не хотѣлъ. А волненіе народа все росло и росло. Наши ловко умѣли подливать масла въ огонь при удобномъ случаѣ. Но всѣ они были осторожнѣе, чѣмъ когда либо. Ни одинъ изъ постороннихъ и не подозрѣвалъ, что̀ готовится, потому никто ни единымъ словомъ не выдалъ себя. Рѣшено даже было не ходить по кабакамъ, хотя тамъ очень ловко было народъ мутить. Боялись, чтобъ за стаканомъ вина кто не проболталъ чего лишняго.

Наконецъ пришелъ назначенный день. Чуть свѣтъ Николай ушелъ, не сказавши мнѣ куда. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вернулся, но уже не одинъ. Съ нимъ былъ высокій парень. Это

тридцати, одѣтый въ черный армякъ. Я зналъ всѣхъ друзей Николая, но этого никогда не видалъ, хотя по разговору сейчасъ видно было, что они давно и хорошо знакомы. Забыть-же я его не могъ, потому что лицо его стоило разъ увидѣть, чтобы никогда не забыть. Оно было такое смѣлое и безстрашное, и я готовъ былъ биться объ закладъ, что этотъ человѣкъ во всю жизнь не зналъ, что такое страхъ.

— Онъ тоже пойдетъ съ нами? спросилъ я, отведя Николая въ сторону.

— Да, — отвѣчалъ онъ. — Это одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей.

— Что же ты ничего не говорилъ мнѣ о немъ? спросилъ я.

— Я берегу его пуще глаза: нѣтъ человѣка полезнѣе его, и нѣтъ человѣка, которому было бы опаснѣе чѣмъ ему: потому зорко слѣдятъ за нимъ враги.

— Но кто же онъ? — воскликнулъ я.

— Не спрашивай, — отвѣчалъ Николай. Когда придетъ время, узнаешь. А до времени я ничего не скажу. Отведи этого человѣка въ горницу и смотри, чтобы никто не видѣлъ его. Побудь съ нимъ, а я соберу позавтракать.

Удивился я; однако сдѣлалъ все, что сказалъ мнѣ Николай.

Скоро онъ принесъ намъ въ горницу хлѣба

съ квасомъ: мы позавтракали и пошли въ путь. Парень надѣлъ высокую шапку на самыя уши и закуталъ лицо азямомъ, такъ что его совсѣмъ не было видно. У воротъ дома Семена Безпалова, гдѣ назначено было собраться намъ, встрѣтили мы Матвѣя, того самаго, который работалъ на стеклянномъ заводѣ; мы поздоровались; онъ тоже спросилъ Николая, кто этотъ парень въ черномъ армякѣ, котораго онъ никогда не видалъ. Николай и ему не сказалъ.

Когда мы вошли въ квартиру Семена Безпалаго, то тамъ уже былъ Ѳома Косой и о чемъ то спорилъ съ хозяиномъ.

— Говорю тебѣ; — увѣрялъ хозяинъ, — парень хоть пьяница, а не выдастъ.

— Да все же на бога надѣйся, а самъ не плошай; — отвѣчалъ ему Ѳома. — Лѣшій его знаетъ, что онъ покажетъ; а хоть и не покажетъ, то все на слѣдъ наведетъ.

— Что у васъ тутъ? — спросилъ Николай.

Ѳома разсказалъ, что третьяго дня въ кабакѣ взяли Анчутку. Онъ невѣдомо какъ провѣдалъ что-то про Безпалова и пьяный болталъ при сотскомъ:

— Быть вамъ отъ Безпалова не только безъ пальца, но и безъ головы.

Сотскій сталъ ругать его, а онъ его еще пуще;

разодрались. Анчутку посадили въ кутузку и третій день не выпускаютъ.

Ѳома говорилъ, что слѣдуетъ перейти на другую квартиру. Оказалось, что такой нѣтъ по близости; тогда онъ совѣтовалъ отложить на слѣдующую недѣлю, но почти всѣ были противъ этого.

— Довольно откладывать; куй желѣзо, пока горячо. Эка важность, что Анчутка пьяный наболталъ вздору: извѣстно пьяный, что съ него взять; а держутъ его, знамо, за то, что сотскаго прибилъ.

Порѣшили не откладывать; вскорѣ всѣ собрались. Тогда выборные по очереди вставали и говорили, какъ наказала имъ артель: откладывать или нѣтъ. Всѣ почти рѣшили не откладывать; было нѣсколько артелей, что хотѣли отложить, но когда они узнали, что всѣ другіе не хотятъ, то сказали, что съ радостью пойдутъ съ товарищами.

Тогда поднялся Ѳома и сказалъ:

— Братья и товарищи! Наступилъ самый счастливый часъ въ нашей жизни. Всю жизнь работали мы, чтобы дождаться этого часа. И вотъ теперь онъ наступилъ. Наконецъ то собрались мы, чтобы начать настоящее дѣло. Разсудимъ-же здѣсь все, что нужно, чтобы дѣлать все, какъ одинъ человѣкъ. Первое дѣло: когда начать? Потому начало самое важное.

— Послушайте, братцы, что я вамъ скажу;— началъ говорить Николай.

Всѣ пріумолкли.

— Никогда не дождаться намъ такого удобнаго времени какъ теперь, — продолжалъ Николай. А въ этомъ времени самое лучшее, это — день рекрутскаго набора. Уже объявлено по волостямъ о наборѣ. Въ пятницу повезутъ рекрутовъ сдавать въ городъ. Вотъ этотъ-то день и слѣдуетъ намъ выбрать. Когда около рекрутовъ соберутся всѣ родные и друзья, когда начнется плачъ и рыданіе, мы кинемся на сдатчиковъ и отнимемъ рекрутовъ. Народъ навѣрно насъ поддержитъ. Всѣхъ рекрутовъ мы отнимемъ. Всѣхъ сдатчиковъ съ командой мы прогонимъ. Живо схватится весь народъ за топоры и вилы. А ужъ коли онъ разъ поднялся, такъ уже наше дѣло будетъ растолковать ему, что не удержать ему у себя дѣтей, коли всѣхъ враговъ не искоренитъ онъ.

— Вѣрно, вѣрно! Молодецъ! — загудѣло въ толпѣ.

— Какъ есть правда. Лучшаго дня не дождаться. Вѣрно!

— Кто противъ того, что говорилъ Николай, поднимись; — сказалъ Ѳома.

— Никого, никого! — загудѣло въ толпѣ.

Ѳома переждалъ; никто не поднимался

— Ну, такъ значитъ, всѣ рѣшили выбрать рекрутскій наборъ?

— Да, да! — загудѣла толпа.

— Такъ теперь нужно рѣшить, кому подниматься первыми, — сказалъ онъ.

— Всѣмъ, всѣмъ разомъ; — загудѣла толпа.

— Хорошо бы это — говорилъ Ѳома, — да нельзя. Вѣдь наборъ то не въ одинъ день, а въ разные. Нельзя, чтобъ начали тѣ, у кого у первыхъ начнется наборъ, потому начало самое трудное. Нужно, чтобы оно навѣрное удалось. Значитъ, нужно крѣпко призадуматься, кому начинать первыми.

Всѣ пріумолкли, потому чувствовали, какое трудное дѣло рѣшить надо. Наконецъ поднялся Андрей.

— Намъ начинать; — сказалъ онъ. — Насъ много и недовольство большое. А народъ смѣлый и храбрый, какъ старые солдаты, что въ двадцати сраженіяхъ перебывали. Ни одинъ не испугается ни ружей, ни пушекъ, потому каждый день онъ на работѣ стоитъ подъ огнемъ хуже ружейнаго. Каждый день онъ для хозяйскаго барыша ходитъ бокъ о бокъ съ самой смертью. Неужто онъ испугается ея, когда поднимется за свое счастіе, за своего отца, за своихъ дѣтей? Намъ подниматься, братья!

— Нѣтъ, — сказалъ Николай. Ты правду

сказалъ Андрей, но вѣдь и у насъ народу не мало, и у насъ не трусы. А кромѣ того у насъ есть еще то, чего нѣтъ у васъ: у насъ есть оружіе. Въ пяти верстахъ отъ нашего завода стоитъ оружейный складъ, гдѣ хранится оружіе на много тысячъ людей. Прежде чѣмъ успѣютъ глаза протереть наши враги, все это будетъ наше. Намъ начинать, братья!

— Близокъ локоть, да не укусишь; — сказалъ Андрей. Неужто забылъ ты сколько около васъ войска? Прежде чѣмъ ты успѣешь раздать оружіе, они уже нагрянутъ на васъ и истребятъ. а мы не успѣемъ придти къ вамъ на помощь.

Тогда Николай обернулся къ высокому парню въ черномъ армякѣ, котораго онъ привелъ съ собой и сказалъ:

— Ну, теперь твой чередъ; говори!

Парень спокойно всталъ. Вышелъ впередъ и распахнулъ свой армякъ. Подъ нимъ былъ солдатскій мундиръ съ свѣтлыми пуговицами и бѣлый кожаный поясъ, на которомъ висѣлъ коротків тесакъ съ мѣдной ручкой.

— Я — солдатъ, сказалъ онъ. Въ нашемъ полку двадцать человѣкъ, которые готовы головы положить за правое дѣло. Есть не мало нашихъ и въ сосѣднихъ полкахъ. Но еще больше наберется такихъ, которые пойдутъ за правду, но не годятся для долгой работы. Имъ мы ничего

не говорили. Но когда поведутъ насъ, мы скажемъ имъ, и они перейдутъ на нашу сторону.

Такъ нечего же вамъ бояться насъ. Солдаты всѣ пойдутъ на васъ противъ воли. Ни одному не охота убивать своихъ родныхъ и земляковъ. Они идутъ, потому что боятся не послушаться командировъ. Мы же начнемъ съ того, что перестрѣляемъ всѣхъ командировъ. Тогда некому будетъ натравливать солдатъ на народъ. Они перейдутъ на нашу сторону, а тѣ, которые и не перейдутъ, ничего не сдѣлаютъ. Безъ приказа командировъ они не посмѣютъ стрѣлять. Они, какъ глупыя овцы безъ пастуха, собьются въ кучу и не будутъ знать, что дѣлать.

Такъ пусть же подпимутся кирпичники. Пусть захватятъ они оружіе. Мы не помѣшаемъ имъ. Мы присоединимся къ нимъ и наши силы увеличатся въ десятеро. Пока успѣютъ враги собрать новыя войска, уже разольется бунтъ по всей странѣ. Да и пойдутъ ли войска противъ насъ, когда увидятъ, что начался не бунтъ отъ злобы, а возстаніе за правду, за счастіе всѣхъ людей?

Трудно сказать, что сдѣлалось вдругъ со всѣмъ собраніемъ. Всѣ вскочили со своихъ мѣстъ, стали обнимать солдата, Николая, другъ друга, потому что всѣмъ казалось такимъ близкимъ освобожденіе.

Вдругъ, въ эту самую минуту вбѣгаетъ въ горницу жена Безналова.

Она дрожала, какъ осиновый листъ. На ней лица не было.

— Солдаты! крикнула она.

Всѣ такъ и обмерли.

— Гдѣ солдаты? — спросилъ Безналый.

— На задворкахъ; окружаютъ избу.

— Много ихъ? — спросилъ нашъ солдатъ.

— Десятковъ пять.

— Ну чтожъ ребята! Насъ тридцать. Вынимайте ножи и что у кого есть. Пробьемся! Теперь темно; можно.

Онъ спокойно застегнулся, чтобъ не видно было мундира и вынулъ изъ ноженъ свой тесакъ.

Но тутъ оказалось, что, по безпечности, никто почти не взялъ съ собой оружія. Только у Ѳомы да еще у шести, семи были ножи за голенищами.

— Сплоховали вы, ребята; — сказалъ солдатъ. — Ну, ничего. Берите что подъ руками и за мной!

Всѣ похватали топоры, ножи, дубины, что было у хозяина. Я взялъ тяжелый ломъ.

Николай ничего не взялъ.

— Не хочу — говоритъ — потому у другихъ ничего нѣтъ.

— Готовы? — спросилъ солдатъ.

— Готовы! — отвѣчали всѣ.

Тогда онъ толкнулъ ногой дверь. Она распахнулась настежъ, и мы бросились на улицу.

Изба была оцѣплена солдатами.

— Вали на проломъ! — крикнулъ солдатъ и бросился впередъ.

— Пали! — загремѣло изъ темноты.

Грянули ружья, и вслѣдъ затѣмъ раздался страшный стонъ и крикъ. То были наши раненные, которые повалились на землю.

Густой дымъ на минуту покрылъ все.

— Братцы, за мной! — крикнулъ солдатъ.

Нѣсколько человѣкъ, а съ ними и Ѳома бросились за нимъ. Они прыгнули въ глубокую канаву и прошли по ней въ поле передъ самымъ носомъ солдатъ, потому дымъ закрывалъ ихъ, и солдаты не подумали бы о такой смѣлости. Это были первые, которые спаслись.

Между тѣмъ, дымъ разсѣялся.

Около насъ лежало нѣсколько человѣкъ, а съ ними Матвѣй. Грудь его была пробита насквозь. Онъ страшно хрипѣлъ и метался въ предсмертныхъ мукахъ.

— Изверги! — крикнулъ Николай и бросился впередъ, выхвативши топоръ изъ рукъ умирающаго Матвѣя.

Всѣ бросились на солдатъ и стали бить ихъ, чѣмъ попало и вырывать у нихъ ружья,

Я тоже кинулся за Николаемъ, чтобъ защитить его. Солдатъ замахнулся на него прикладомъ, но въ тотъ же мигъ я раздробилъ солдату голову своимъ ломомъ. Не вскрикнувши, онъ повалился какъ снопъ. Трое кинулись на насъ. Я хватилъ одного ломомъ по ногамъ. Онъ упалъ. Другому Николай разрубилъ грудь топоромъ. Но съ третьимъ онъ не могъ справиться. Солдатъ занесъ надъ нимъ штыкъ, и я видѣлъ уже, какъ штыкъ касался платья Николая. Но вдругъ надъ моимъ ухомъ раздался выстрѣлъ. Солдатъ вскрикнулъ и повалился. Это Андрей убилъ его, выхвативши ружье у другаго солдата. Андрей кинулся намъ на помощь. Онъ былъ страшенъ какъ разъяренный звѣрь. По самую шейку всаживалъ онъ штыкъ. Какъ пахарь вскидываетъ снопы, такъ онъ вскидывалъ враговъ.

— На проломъ! за мной! крикнулъ онъ намъ. Николай схватилъ ружье у убитаго солдата, и мы бросились за нимъ.

Нѣсколькими ударами мы расчистили себѣ дорогу. Андрей, который былъ впереди, перескочилъ черезъ заборъ и скрылся въ темнотѣ. Мы не успѣли сдѣлать этого, потому самъ командиръ съ нѣсколькими солдатами кинулся, чтобъ загородить намъ дорогу.

— Сдавайтесь! — крикнулъ онъ.

Николай вмѣсто отвѣта ширнулъ его штыкомъ,

но не задѣлъ тѣла, а прокололъ только шинель. И не успѣлъ онъ выдернуть штыка, какъ офицеръ изъ всей силы ударилъ его саблей по головѣ. Красная струя брызнула по ней и повалился Николай на земь, какъ колосъ валится отъ удара косы.

Въ глазахъ помутилось у меня. Что сталось со мной, я и самъ не знаю. Какъ дикая медвѣдица, у которой убили дѣтеныша, кинулся я на злодѣевъ. Однимъ ударомъ я раздробилъ какъ глиняный горшокъ голову убійцѣ Николая и началъ косить своимъ ломомъ на право и на лѣво. На меня посыпались удары сабель и прикладовъ, но я ничего не чувствовалъ. Я сталъ точно богатырь и сила у меня стала богатырская. Какъ булавой косилъ я своимъ ломомъ. Солдаты побѣжали.

Я бросилъ ломъ, схватилъ Николая на плечи, какъ черезъ малую канавку перескочилъ черезъ плетень и бросился бѣжать.

— Держи, держи его! онъ убилъ командира! кричали за мной солдаты, которые успѣли уже оправиться и бросились за нами въ погоню.

Несмотря на свою тяжелую ношу, я побѣжалъ очень скоро. Нѣсколько огородовъ перебѣжалъ я; черезъ нѣсколько овраговъ и плетней перескочилъ. Погоня все отставала, потому въ темнотѣ имъ меня не видно было и они гна-

лись на угадъ. Мнѣ показалось, что они сбились съ дороги, потому что я пересталъ слышать ихъ голоса. Я остановился, чтобы отдохнуть. Я былъ весь въ поту. Ноги мои дрожали. Голова кружилась. Вдругъ я опять услышалъ громкіе голоса, какъ будто надъ самымъ ухомъ. Я вскочилъ, какъ ошпаренный, взвалилъ на плечи свою ношу и бросился бѣжать. Но я чувствовалъ, что ноги мои подкашиваются, что я спотыкаюсь на каждомъ шагу. А голоса слышны были все ближе и ближе.

Холодный потъ выступилъ у меня на лбу.

Куда дѣваться? подумалъ я.

Вдругъ я увидѣлъ изъ огорода переулочекъ къ воротамъ. Я быстро свернулъ въ него. Выбѣгу на улицу, — подумалъ я — они собьются.

Пробѣжалъ я переулокъ; подбѣгаю къ калиткѣ; дергаю за скобу — заперто!

Волосы стали у меня дыбомъ. Загнанъ какъ въ капканъ! Назадъ бѣжать — наскочишь на погоню. Звать, чтобъ отворили — покажешь гдѣ ты. Я схватилъ огромный камень и изо всей силы ударилъ въ калитку, чтобы сразу выломать ее. Но она не поддавалась. Я еще крѣпче ударилъ въ другой разъ. Верхняя перекладина сломалась, но средняя и нижняя были изъ свѣжаго дуба и остались цѣлы. Я поднялъ камень въ третій разъ, но съ ужасомъ кинулъ его на

землю: шагахъ въ тридцати я увидѣлъ кучку солдатъ съ офицеромъ. Они искали меня.

У нихъ былъ фонарь. Они осматривали землю.

— Здѣсь онъ. Я видѣлъ, какъ онъ шмыгнулъ куда то, проклятый.

— Слѣдъ крови! — громко крикнулъ офицеръ. — Вотъ брызги!

Онъ направилъ фонарь на землю и тихо сталъ подходить по слѣдамъ. Во мнѣ все замерло. Я чувствовалъ, что мнѣ не избѣжать смерти и мнѣ только хотѣлось, чтобы поскорѣе все кончилось. Я готовъ былъ крикнуть имъ: здѣсь я, бейте же меня! Когда они подошли къ самому переулку, вдругъ за калиткой послышался стукъ. Офицеръ направилъ туда фонарь и свѣтъ ударилъ прямо въ лицо мнѣ.

— А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты! — злобно закричалъ онъ. — Ну, теперь попался! — Онъ бросилъ фонарь, выхватилъ саблю и всѣ кинулись на насъ. Я остервенился какъ волкъ.

— Подходите! — крикнулъ я и схватился за перекладину калитки чтобы оторвать ее совсѣмъ. Вдругъ перекладина неожиданно подалась. Калитка отворилась. На порогѣ показался монахъ, который, очевидно, пришелъ на мой стукъ.

Онъ былъ нашимъ спасителемъ. Еще секунда и было бы поздно. Я схватилъ Николая и проворно шмыгнулъ въ калитку.

— Вали, вяжи его, сукина сына! — кричали за мной.

Они, видно, хозяина приняли за меня. У меня отлегло отъ сердца. — Пока разъяснится ошибка, —подумалъ я, — мы успѣемъ скрыться. — Я на ходу оторвалъ кусокъ рубахи и перевязалъ голову Николаю, чтобы по крови не могли они напасть на слѣдъ, и быстро побѣжалъ по улицѣ. За предмѣстьемъ шелъ густой лѣсъ. Мы вошли въ него и я сталъ кружиться по тропинкамъ, чтобы запутать погоню. Однако я чувствовалъ, что съ каждой минутой все слабѣю и слабѣю. Долго идти съ своей ношей нечего было и думать. Вдругъ мнѣ послышались голоса. То была погоня. Кровь застыла у меня въ жилахъ. — Куда дѣваться? подумалъ я.

Около насъ было много дуплистыхъ деревьевъ. Я легко могъ спрятаться самъ, но куда дѣвать Николая?

Вдругъ, въ темнотѣ что то сверкнуло. Я присмотрѣлся: это былъ медвѣдь, который вылѣзъ на порогъ своей берлоги.

— Чтожъ, — думаю, — можетъ быть, звѣрь добрѣе людей.

И звѣрь оказался добрѣе людей!

Онъ не тронулъ меня, когда я вошелъ въ пещеру; онъ спасъ насъ.

Какъ только я успѣлъ примоститься, снова

услышалъ надъ своей головой шаги, а потомъ голоса.

— Говорилъ я тебѣ, что не сюда онъ побѣжалъ,—сказалъ одинъ голосъ. — Всю рощу мы обыскали.

— Пойдемъ поскорѣй; еще не поздно,—сказалъ другой.—Полемъ не убѣжитъ онъ далеко!

— А вонъ пещера, не тутъ ли они?—сказалъ первый.

Они подошли ближе, но, увидѣвши медвѣдя, съ крикомъ бросились бѣжать.

Когда не стало слышно ихъ шаговъ, я вышелъ изъ пещеры. Ничего не слышно было кругомъ. Мѣсяцъ вышелъ изъ за тучъ и на полянкѣ было свѣтло какъ днемъ. Я вынесъ Николая. Все лицо его было залито кровью. Глаза были закрыты. Но когда я приложилъ ухо къ его груди, то услышалъ что сердце его бьется. Я обрадовался, какъ никогда.

Однако нужно было добыть гдѣ нибудь воды, чтобы омыть его и вывести изъ безчувствія. Я взялъ Николая и сталъ спускаться по скату оврага. Вскорѣ дошелъ до чистой рѣченьки, которая протекала по немъ. Когда я обмылъ Николаю лицо и голову, то замѣтилъ, что рана на головѣ очень глубока. Я сталъ прыскать ему свѣжей воды на грудь, на голову и къ великой радости своей замѣтилъ, что онъ начи-

наетъ дышать все глубже и глубже. Я еще усерднѣе сталъ брызгать и черезъ нѣсколько времени онъ очнулся и сталъ припоминать.

— Гдѣ я? — спросилъ онъ.

— Въ лѣсу. Не бойся ничего. Теперь уже не прійдутъ.

— А другіе?

Я опустилъ голову и ничего не отвѣчалъ.

— Всѣ убиты? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ — говорю. Андрей съ солдатомъ убѣжали, а съ ними еще кое-кто.

— А Ѳома?

— Ѳома тоже убѣжалъ.

— Ну, такъ не все еще пропало! — сказалъ онъ. Эти люди соединятъ тѣхъ, которые остались, и они будутъ умнѣе насъ. Я умираю спокойно.

— Братъ мой возлюбленный, не говори этого; воскликнулъ я, припадая къ его груди.

Слезы градомъ покатились у меня изъ глазъ.

Онъ положилъ руку на голову мнѣ и тихо сказалъ:

— Не плачь. Лучшей смерти не можетъ быть для человѣка. Уже близокъ конецъ мой. Я чувствую, какъ слабѣетъ мой голосъ. Такъ выслушай же, что я скажу тебѣ.

Не приходи въ уныніе. Наше дѣло не можетъ погибнуть, потому на нашей сторонѣ правда,

а на сторонѣ враговъ — ложь. Правда — что солнце: заволокли его черныя тучи, но не скрыть имъ его. Подуетъ вѣтеръ и разгонитъ ихъ, и ярко засвѣтитъ оно на радость и веселіе всякой твари.

Иди же и проповѣдуй то, что мы проповѣдывали; и если ты будешь умирать вдали отъ людей, какъ я, то знай, что коли бъ ты прожилъ до глубокой старости, то не дожить тебѣ до лучшаго часа.

Какъ изъ сѣмени, брошеннаго въ землю, выростаетъ новый хлѣбъ, такъ изъ крови твоей выростутъ новые бойцы. Напрасно возрадуются враги. Чѣмъ больше будутъ свирѣпствовать они, тѣмъ быстрѣе увидятъ свѣтъ всѣ бродящіе во тьмѣ, тѣмъ быстрѣе будетъ расти наше святое воинство! И скоро, скоро придетъ день, когда народъ поднимется по зову нашему, и какъ гроза, какъ буря разноситъ въ щепки гнилую лодочку, такъ и онъ размечетъ враговъ своихъ. Я чую уже, я вижу этотъ великій день!

Тутъ голосъ его сталъ какъ голосъ пророка.

— Я вижу огромное поле, а на немъ двѣ несмѣтныя рати: то наши братья и наемные разбойники богатыхъ! Я вижу всадника на бѣломъ конѣ съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ. Онъ скачетъ передъ нашими рядами. Вотъ затрубили трубы. Наши идутъ впередъ! Вотъ сошлись!

Боже! какой огонь льется на нихъ! Падаютъ, падаютъ наши... Дымъ покрылъ все. Не вижу... Разсѣялся!

Красныя знамена вьются по всему полю. Бѣгутъ враги. Побѣда наша! — крикнулъ Николай и повалился навзничь.

Я бросился къ нему; онъ былъ неподвиженъ. Я прижалъ его къ своей груди; сердце его не билось. Я схватилъ его голову: она была холодна какъ ледъ.

— Умеръ, умеръ! крикнулъ я и почувствовалъ, что и во мнѣ точно все замерло.

Я всталъ, чтобы уйти. Куда — я самъ не зналъ. Я чувствовалъ только, что здѣсь у меня ничего не осталось.

Я пошелъ по берегу, но ничего не видѣлъ, не слышалъ, не замѣчалъ. Крапива жгла мнѣ руки. Острые камни рѣзали ноги, сучья царапали лицо, но я ничего не чувствовалъ и все шелъ. Я не рыдалъ. Ни одной слезинки не проронилъ я. Я даже не думалъ о своей потерѣ. Я какъ будто ни о чемъ не думалъ. Вижу камень; думаю: вотъ камень. Вижу елку; думаю: вотъ елка. Въ душѣ у меня стало какъ будто пусто.

Только когда я вышелъ на взморье и холодный вѣтеръ пахнулъ на меня, я немного очувствовался и понялъ, чтò я потерялъ.

Упалъ я подъ дерево, которое росло на берегу и тутъ въ первый разъ зарыдалъ какъ ребенокъ, припавъ лицомъ къ землѣ.

Вѣтеръ шумѣлъ надъ моей головой и шепталъ онъ мнѣ: — Не плачь, не рыдай, добрый молодецъ; не умеръ другъ твой! Я принялъ слова его, и разнесу я ихъ по всему свѣту, и во всякаго, кто вдохнетъ меня, перейдетъ его духъ.

И журчала мнѣ быстрая рѣченька:

— Не плачь, не рыдай, добрый молодецъ, не умеръ другъ твой! Я понесу кровь его, которая капала въ меня, и во всякаго, кто напьется воды моей, перейдетъ его духъ!

Вдругъ я почувствовалъ, какъ будто нѣжная рука прикоснулась къ моимъ волосамъ, и чье-то легкое дыханіе шевелило ихъ. Я поднялъ голову и увидѣлъ свою Мудрицу Наумовну — ту самую, которая принесла меня въ Англію.

Самъ того не зная, я пришелъ на то самое мѣсто, подъ тотъ самый дубъ, куда ступилъ въ первый разъ.

И сталъ я упрекать Мудрицу Наумовну: — Зачѣмъ, — говорю — ты такъ надсмѣялась надо мной? Ты обѣщала показать мнѣ, какъ другіе народы живутъ, чтобъ я могъ повѣдать русскому народу, какъ ему жить, чтобы не терпѣть одной муки. Зачѣмъ же ты обманула меня? Зачѣмъ наполнила ты ядомъ сердце мое?

— Не я обманула тебя, а ты самъ себя обманулъ; — отвѣчала мнѣ Мудрица Наумовна. Нѣтъ на свѣтѣ народа, который жилъ бы счастливо, потому что у всѣхъ народовъ есть помѣщики, хозяева, власти. А при нихъ не можетъ быть счастья. Не могла я показать тебѣ счастливаго народа. Я могла только показать, что долженъ дѣлать русскій народъ, чтобы освободиться отъ своихъ утѣснителей и сдѣлаться счастливымъ.

И не повѣрилъ я сі, что всѣ народы земные мучатся какъ и русскій народъ, и что всѣмъ имъ одно спасеніе — бунтъ противъ своихъ злодѣевъ.

Тогда сказала мнѣ Мудрица Наумовна:

— Сейчасъ ты узнаешь это.

XIII.

Мы снова понеслись черезъ моря, поля, луга и рѣки.

Наконецъ, я увидѣлъ огромный городъ, и мы стали спускаться.

— Это городъ Брюссель; — сказала Мудрица Наумовна, когда мы ступили на землю. — Здѣсь собираются выборные отъ всѣхъ рабочихъ, которые составляютъ между собою международный

союзъ. Вотъ домъ гдѣ собираются они. Я сяду на плечо тебѣ, и ты войдешь повсюду, потому никто не увидитъ тебя.

Мы вошли въ огромную комнату. Въ ней сидѣло кругомъ стѣнъ человѣкъ триста рабочихъ. Посреди стоялъ помостъ, а на немъ сидѣлъ высокій, сѣдой какъ лунь старецъ съ умнымъ и пламеннымъ какъ у юноши взоромъ.

— Зачѣмъ мы собрались здѣсь, выборные отъ всѣхъ народовъ земныхъ? — громко сказалъ старецъ.

И выборные отвѣчали ему:

— Мы собрались повѣдать другъ другу о нашихъ нуждахъ и обсудить сообща, какъ помочь имъ.

— Истинно! — сказалъ старецъ. — Повѣдайте-же, выборные отъ народовъ Сѣвера, каковы нужды вашихъ народовъ?

Тогда поднялся одинъ изъ сидѣвшихъ съ сѣверной стороны.

Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ русыми волосами и голубыми глазами.

Громкимъ, ровнымъ голосомъ онъ заговорилъ:

— Велики богатства земли нашей! Растутъ на ней лѣса дремучіе и полны они дорогимъ пушнымъ звѣремъ. Текутъ по ней широкія рѣки и кишатъ онѣ вкусной рыбой. Но тяжка доля народа на сѣверѣ! Съ утра до ночи ра-

ботаетъ онъ. Рубитъ онъ лѣсъ и бьетъ звѣря и ловитъ онъ рыбу. Но у самого нѣтъ ни лѣсу, чтобы построить избу, ни шкуры, чтобы сшить одежду, ни рыбы, чтобы поѣсть.

Все отнимаютъ у насъ помѣщики, купцы и властители, потому и землей и лѣсами и водами владѣютъ они, и народъ долженъ работать на нихъ.

Нѣтъ у насъ житья народу чрезъ помѣщиковъ, купцовъ и властителей!

И всѣ выборные отъ народовъ сѣвера повторили:

— Нѣтъ у насъ житья народу черезъ помѣщиковъ, купцовъ да властителей!

Старецъ, что сидѣлъ по серединѣ, снова поднялся и сказалъ:

— Выборные отъ народовъ Юга, повѣдайте намъ о нуждахъ народа вашего.

Тогда поднялся одинъ изъ выборныхъ, сидѣвшихъ со стороны юга. Лицо его было смугло. Густыя, черныя кудри покрывали его голову. Глаза его горѣли какъ уголья.

— Всѣхъ дочерей убираетъ мать, когда ведетъ ихъ подъ вѣнецъ; — сказалъ онъ. Но любимицу свою она уберетъ лучшими цвѣтами изъ сада своего, надѣнетъ на нее ожерелье изъ камней самоцвѣтныхъ, усыплетъ волосы ея золотымъ пескомъ.

Наша сторона — любимая дочка матушки сырой земли. Всѣмъ она убрала нашу родину, всѣмъ изукрасила. Пташки вольныя изъ за дальнихъ морей, изъ за высокихъ горъ прилетаютъ къ намъ, потому нигдѣ такъ ярко не свѣтитъ солнышко, нигдѣ такъ не торовата земля-кормилица. — Эхъ, закройся тучами солнце красное! Изсуши грудь свою, мать земля сыра! Однихъ враговъ народа осыпаете вы своими дарами! Одну муку даете вы своимъ дѣткамъ-работникамъ! Тяжка доля народа нашего! Пашетъ онъ землю, и родитъ она сторицею наливное какъ янтарь зернышко. Самъ же онъ не имѣетъ сухой корки, чтобы утолить голодъ, потому все отнимаютъ у него помѣщики, купцы да властители.

Пасетъ онъ стада быковъ круторогихъ и овецъ тонкорунныхъ, а у самого нѣтъ куска мяса, нѣтъ одежи, чтобы прикрыть наготу свою, потому все отнимаютъ у него помѣщики, купцы да властители. Разводитъ онъ виноградъ и дѣлаетъ изъ него сладкія вина; самъ же, когда отъ тяжкой работы на жарѣ пересохнетъ у него горло, не имѣетъ ничего выпить, кромѣ прѣсной воды, потому все отнимаютъ у него помѣщики, купцы да властители.

Нѣтъ у насъ житья отъ помѣщиковъ, купцовъ да властителей!

— Нѣтъ у насъ житья отъ помѣщиковъ, купцовъ да властителей! — повторили всѣ выборные отъ народовъ Юга.

И опять поднялся старикъ, что сидѣлъ по серединѣ и сказалъ:

— Выборные отъ народовъ Востока и Запада, повѣдайте намъ, таковы ли нужды народовъ вашихъ?

— Таковы-же! — отвѣчали выборные отъ народовъ Востока и Запада. — Нѣтъ и у насъ житья народу отъ помѣщиковъ, купцовъ да властителей!

Тогда старецъ сказалъ:

Выборные отъ всѣхъ народовъ земныхъ! Разсудите-же и повѣдайте, какъ избавиться народу отъ мукъ своихъ.

И поднялся одинъ изъ выборныхъ и сказалъ:

— Помѣщики первые злодѣи народа. Всегда народъ будетъ жить въ нищетѣ, пока останутся на землѣ помѣщики. Народъ не можетъ жить безъ хлѣба. А хлѣбъ не родитъ безъ земли. И вотъ помѣщики, которые присвоили себѣ общую кормилицу, заставляютъ народъ жить впроголодь, а все остальное отдавать себѣ за то, что позволяютъ ему работать на своей землѣ. И народъ соглашается, потому безъ того онъ перемеръ-бы съ голоду. Такъ было и будетъ, пока не истребитъ народъ помѣщиковъ и не

отниметъ у нихъ землю и все, что они неправедно присвоили себѣ. Такъ пусть-же будетъ нашимъ первымъ рѣшеніемъ: смерть помѣщикамъ!

— Смерть, смерть помѣщикамъ! повторили всѣ выборные.

И поднялся другой выборный и сказалъ:

— Страшный врагъ — помѣщики, но купцы еще страшнѣе. Помѣщики — это волки, купцы — это змѣи. Какъ змѣи, купцы незамѣтно опутаютъ тебя по рукамъ и по ногамъ, такъ что не шелохнешся ты, и высосутъ они кровь твою до послѣдней капли. Хорошо отнять у помѣщиковъ землю, но мало этого! нужно отнять и у купцовъ ихъ фабрики и заводы, всѣ ихъ капиталы и устроить такъ, чтобы не могли новые народиться. А для этого нужно, чтобы землей владѣли всѣ сообща, фабриками и заводами тоже владѣли сообща, и что̀ выработаютъ — дѣлили поровну между всѣми. Если же этого не сдѣлать, если каждый будетъ владѣть своимъ клочкомъ земли, будетъ копить деньгу для себя и своего сына, то настанетъ еще горшее рабство, чѣмъ теперь. Одинъ разбогатѣетъ отъ разныхъ причинъ, другой раззорится. Богатый скупитъ у бѣднаго его клочекъ земли и сдѣлается вдвое богаче. А тотъ останется нищимъ съ дѣтьми своими. И народятся изъ самого народа новые

помѣщики и новые купцы, и закабалятъ они его еще горше, чѣмъ прежде былъ онъ закабаленъ. И ужъ труднѣе будетъ сладить съ ними, потому будутъ то свои-же мужики, а не баре-бѣлоручки да заплывшіе жиромъ купцы. И такъ пусть вторымъ нашимъ рѣшеніемъ будетъ: владѣть землей міромъ, владѣть фабриками и заводами тоже міромъ, и смерть всѣмъ купцамъ, хозяевамъ, нанимателямъ!

— Смерть, смерть всѣмъ купцамъ, хозяевамъ, нанимателямъ! — повторили всѣ выборные.

Тогда поднялся третій выборный и сказалъ:

— Еще одного врага надо искоренить. Это — властителей: чиновниковъ, правителей, а прежде всего царей, которые даютъ имъ власть. Если оставить царя и его слугъ, то все вернется къ старому. Царь и его чиновники напишутъ законы, чтобы обирать народъ. Они наберутъ солдатъ, чтобы притѣснять его и заставить повиноваться себѣ. И не пройдетъ и поколѣнія, какъ народъ будетъ обобранъ до нитки. Изъ слугъ царскихъ выйдутъ новые помѣщики и купцы, и опять пріидется народу подниматься на нихъ. Значитъ, напрасно проливалъ онъ свою кровь. Онъ перемѣнилъ только своихъ грабителей.

Весь теперешній порядокъ это — ядовитое дерево. Вѣтки на немъ — это купцы. Стволъ

— это помѣщики. А корень — это царь. Не истребишь ты дерева, коли отрубишь одни вѣтки, потому изъ ствола выростутъ новыя. Не истребишь ты дерева коли и самый стволъ срубишь, потому изъ корня выростетъ новый, который покроется новыми вѣтвями. Только тогда истребишь ты его, когда съ корнемъ вырвешь его изъ земли и сожжешь его до послѣдней вѣточки и развѣешь пепелъ на всѣ четыре стороны.

Такъ пусть же, братья, будетъ нашимъ послѣднимъ рѣшеніемъ: смерть всѣмъ помѣщикамъ, купцамъ и властителямъ!

— Смерть, смерть всѣмъ помѣщикамъ, купцамъ и властителямъ! — повторили всѣ.

Тогда снова поднялся старикъ, который сидѣлъ посрединѣ, и загремѣлъ голосъ его:

— Идите-же, братья, во всѣ концы земли къ пославшимъ васъ и поднимайте ихъ противъ помѣщиковъ, купцовъ и властителей.

Скажите имъ, что страшный змѣй сосетъ кровь ихъ, и что три головы у того змѣя: помѣщики, купцы и властители. Скажите имъ, что тогда только освободятся они отъ змѣя, когда всѣ три головы срубятъ ему. Если-же хоть одну оставятъ они, то выростутъ и двѣ другія.

XIV.

— Вернемся назадъ въ Россію! — сказалъ я Мудрицѣ Наумовнѣ. — Теперь я все слышалъ, все видѣлъ и знаю, какъ избавиться отъ мукъ народу русскому.

И снова понеслись мы черезъ поля, луга, лѣса и рѣки.

Долго летѣли мы.

— Вотъ земля русская, — сказала мнѣ наконецъ Мудрица Наумовна.

И увидѣлъ я огромную пустыню, и спустились мы на средину ея.

— Я сдѣлала для тебя все, что могла — сказала Мудрица Наумовна. — Больше ни о чемъ не проси меня.

И она взмахнула крыльями и скрылась изъ глазъ моихъ.

Я остался одинъ среди голой степи.

Сѣлъ я на камень и сталъ думать:

— Теперь я знаю, что нужно дѣлать народу, чтобы избавиться отъ своихъ мукъ. Но кто покажетъ мнѣ, что̀ будетъ послѣ того, какъ народъ поднимется и освободится отъ помѣщиковъ, купцовъ и властителей?

Поднялъ я глаза и увидѣлъ золотую тучку, которая плыла по ясному небу. И взмолился я ей:

— Тучка золотая! Высоко плывешь ты надъ нашей землей и видишь ты всѣ царства земныя. Унеси-жъ ты меня въ такое царство, гдѣ нѣтъ ни помѣщиковъ, ни купцовъ, ни властителей, гдѣ люди живутъ какъ братья.

Смотрю: тучка остановилась и тихо стала спускаться ко мнѣ. Вдругъ я услышалъ знакомый голосъ. Такъ и есть! То была Любуша, моя названная сестра. Та самая, которая привела меня къ Науму.

Она спускалась ко мнѣ, окутанная золотистымъ покровомъ, сотканнымъ изъ солнечныхъ лучей, и пѣла она чудную пѣсню. Она пѣла о страданіяхъ рода человѣческаго и о томъ счастьи, которое могъ бы онъ имѣть, если-бъ захотѣлъ. И слезы и рыданья слышны были въ ея голосѣ, и плачъ матери, которая видитъ, какъ мучатъ ея единственное дѣтище!

Любуша спустилась на землю и подошла ко мнѣ.

— Ты хочешь видѣть будущее царство; — сказала она. — Это мое царство, но я не могу ввести тебя туда.

— О покажи мнѣ его, молю тебя, — сказалъ я; — тогда требуй отъ меня чего хочешь: я все сдѣлаю, что велишь ты.

— Трудно это, — сказала она и печально склонила голову.

— Сдѣлай это, молю тебя. Тебѣ все возможно; — сказалъ я.

Подняла она съ земли камень и сказала:

— Вотъ сердце твое. Если взойдетъ на немъ сѣмя, которое я посѣю, тогда увидишь ты будущее царство.

Вынула она горсть сѣмянъ, которыя лежали на груди ея, и посыпала на камень.

— Не всходятъ! — сказала Любуша, и заплакала она горькими слезами.

И одна слезинка упала на камень, и вдругъ все сѣмя взошло. Весь камень покрылся зеленой травкой, а корешки пробуравили его насквозь и выступили наружу.

Обняла меня Любуша и сказала:

— Теперь мы войдемъ въ будущее царство, потому корешки понесутъ тебя туда.

И обернула она меня въ маленькую букашку и пустила въ травку. Сама обернулась цвѣткомъ и сѣла на стебелекъ.

Тогда взмолился я къ корешкамъ:

— Корешки, корешечки, понесите меня въ Любушино царство!

Корешки захлопали, застукали, затопали и побѣжали въ Любушино царство.

Долго бѣжали они. Вдругъ передъ нами очутилась широкая рѣка.

И опять взмолился я къ корешкамъ: ко-

решки, корешечки, перенесите меня черезъ эту рѣку!

Корешки побѣжали въ рѣку и выпили всю воду.

Вотъ бѣжимъ мы дальше. Вдругъ передъ нами огненный лѣсъ.

Опять взмолился я къ корешкамъ: корешки, корешечки, перенесите меня черезъ этотъ лѣсъ!

Корешки побѣжали въ него и стали выпускать изъ себя воду и тушить огонь. А сами все бѣгутъ. Подбѣгаютъ къ самому краю, а воды ужъ нѣтъ. А огонь такъ и палитъ.

Тогда взмолился я къ травкѣ:

— Травушка-муравушка, прикрой меня!

Травушка закрыла меня; сама вся высохла, а я остался цѣлъ.

Когда мы перебѣжали черезъ лѣсъ, то опять перекинулись людьми.

Тогда взошли мы на высокую гору, и подъ нашими ногами разостлалось великое царство. И изощрила Любуша взоръ мой. И сталъ я видѣть все, что дѣлается тамъ, какъ будто оно было передъ моими глазами.

И великъ былъ восторгъ мой, когда я увидѣлъ будущее царство. И не зналъ я, гдѣ я, — на небѣ или на землѣ.

Три раза взошло и закатилось солнце, а я все смотрѣлъ, не отрывачи глазъ, и все не могъ наглядѣться.

И сталъ я молить Любушу:

— Позволь мнѣ войти въ самое царство, чтобъ увѣриться, что не обманываютъ меня глаза мои.

И отвѣчала мнѣ Любуша:

— Нѣтъ, не введу я тебя въ самое царство, потому ослѣпнешь ты отъ свѣта, который разлитъ въ немъ.

Довольно ужъ видѣлъ ты и знаешь все, что тебѣ можно знать.

Иди-жъ ты и открой всему народу русскому то, что показала я тебѣ. Скажи ему, что я жду его, жду всѣ народы земные въ своемъ свѣтломъ царствѣ. Скажи ему, что безконечныя радости приготовила я для него, но скажи ему, что не войти ему въ мое царство, пока не освободится онъ отъ помѣщиковъ, купцовъ и властителей.

Подымай же его противъ помѣщиковъ, купцовъ и властителей!

Если же ты не исполнишь приказа моего. Если ты испугаешься и замкнешь свои трусливыя уста, тогда горе тебѣ! Я прокляну тебя всѣми клятвами. Не будешь знать ты ни сна, ни покоя. Отравлю я тебѣ всякую радость! Когда поднесешь ты хлѣбъ къ устамъ своимъ — изъ него закапаетъ кровь братьевъ твоихъ. Когда нальешь ты чашу сладкаго вина, чтобы утолить жажду свою — оно обратится въ кровь братьевъ твоихъ! И скроешься ты изъ глазъ человѣчес-

кихъ, и убѣжишь ты въ дикую пустыню. И пустыня не приметъ тебя! И будешь скитаться ты по всей землѣ, какъ Каинъ, убившій брата своего. И проклянешь ты мать свою за то, что родила она тебя на свѣтъ!...

Какъ оглушенный громомъ, упалъ я передъ ней на колѣни и воскликнулъ:

— Клянусь тебѣ, что готовъ умереть за братьевъ своихъ, но не подъ силу мнѣ приказъ твой! Какъ могу я разсказать все, что открыла ты мнѣ, народу русскому? Надорвется грудь моя, обобьется языкъ мой!

И выковала она мнѣ стальной языкъ и вложила въ уста мои и сказала:

— Иди и говори этимъ языкомъ! Не будетъ онъ знать усталости. Громко будетъ звенѣть онъ и разнесетъ вѣтромъ звонъ его во всѣ стороны и услышатъ его тѣ, кого ты никогда не видѣлъ, чьего имени даже ты не узнаешь никогда.

И если завтра же растерзаютъ тебя хищные звѣри и упьются они кровью твоею, то не замолкнетъ звукъ словъ твоихъ, ибо не сокрушить имъ языка твоего! Какъ набатный колоколъ будетъ гудѣть онъ и будетъ звать русскій народъ подняться противъ враговъ своихъ!....

ПРИСКАЗКА.

Другъ читатель! Ты ждешь теперь, что я разскажу тебѣ про Любушино царство. Я дѣйствительно разскажу тебѣ это, но прежде дай мнѣ сказать тебѣ кое-что насчетъ сказки моей.

Ты слыхалъ вѣрно поговорку: „сказка—ложь, а пѣсня — быль". Ну, а я прибавлю тебѣ другую: „Не всякому слуху вѣрь". Не всякая, братъ, пѣсня — быль, да и не всякая сказка — ложь. Не затѣмъ, чтобъ забавлять тебя, написалъ я свою сказку. Я написалъ ее, чтобъ открыть тебѣ всю правду. Да только зналъ я, что коли стану я говорить тебѣ правду по просту, безъ затѣй, такъ не прочитаешь ты такой книжки и до половины. Вотъ почему, другъ, я разсказалъ тебѣ правду не просто, а притчей.

Любуша — это любовь къ братьямъ своимъ, скрытая въ сердцѣ человѣческомъ.

А Наумъ, къ которому она привела меня — это Разумъ рода человѣческаго.

Велико могущество разума. Чудны дѣла его. Прекрасны его творенія. Но не утолятъ они тебя, когда жажда правды загорится въ сердцѣ твоемъ, ибо безъ любви они мертвы, холодны и нѣмы, какъ ледяныя глыбы на вершинахъ горъ. Будетъ восхищенъ ими взоръ твой, но не найдешь ты въ нихъ того, чего жаждетъ твое сердце, ибо живой души нѣтъ въ нихъ.

Но полюби братьевъ твоихъ и совершится великое чудо: оживетъ мертвое, заговоритъ нѣмое, ибо любовь вдохнетъ въ нихъ душу.

Полюби братьевъ твоихъ, и любовь дастъ крылья разуму твоему и приведетъ она тебя къ источнику вѣчной правды. Она изощритъ зрѣніе твое и слухъ твой, и откроется тебѣ то, по чемъ изнывала твоя душа!

Полюби братьевъ твоихъ, и отзовутся въ груди твоей всѣ муки, всѣ несчастія, всѣ горести рода человѣческаго. И когда сожмется отъ боли твое сердце, и скорбью наполнится душа, и сами слезы польются изъ глазъ, тогда полюбишь ты своихъ несчастныхъ, страждущихъ братьевъ новой безконечной любовью, какъ мать любитъ своего больнаго, страдающаго ребенка. И съ радостью готовъ ты будешь идти на муки и на смерть, чтобы хоть на каплю облегчить ихъ

страданія. Тогда то поймешь ты всю силу любви въ сердцѣ человѣческомъ, и новый міръ откроетъ тебѣ любовь твоя. Ты увидишь во очію то царство правды, любви и счастія, котораго не видѣло еще ни одно человѣческое око, ибо отразится тогда это царство въ душѣ твоей!

И почувствуешь ты тогда въ груди своей силу богатырскую, и огнемъ загорится сердце твое, и какъ громъ загремитъ твоя рѣчь!

Вотъ кто такая Любуша, вотъ кто такой Наумъ.

Но кто жъ эти вѣщія дочки Наума? Кто эти бабочки съ бѣлыми крылышками, въ черныхъ крапинкахъ, которыхъ онъ пускаетъ въ міръ, чтобы учить людей уму разуму?

Подумай, пораскинь умомъ и самъ ты догадаешься.

Чѣмъ самые мудрые изъ людей просвѣщаютъ братьевъ своихъ? Чѣмъ открываютъ они братьямъ ту правду, до которой додумались?

Они открываютъ братьямъ правду своими книжками; они просвѣщаютъ ихъ книжками.

Вотъ онѣ то и есть тѣ вѣщія дочки Наума, тѣ вѣщія бабочки, которыхъ пускаетъ онъ въ міръ. И много уже пустилъ ихъ сѣдой Наумъ, и велики чудеса, которыя творятъ онѣ. Прислушайся къ ихъ мудрымъ рѣчамъ и онѣ откроютъ тебѣ всю глубину премудрости человѣ-

ческой. Довѣрься имъ и на своихъ волшебныхъ крылышкахъ онѣ перенесутъ тебя черезъ моря и рѣки, черезъ лѣса и горы, унесутъ тебя до предѣловъ земныхъ и покажутъ тебѣ все, что гдѣ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Вотъ, съ кѣмъ я бесѣдовалъ. Вотъ, кто открылъ мнѣ всю правду.

Но которая же изъ книжекъ была моею Мудрицей Наумовной? Которая изъ нихъ перенесла меня въ Англію, которая показала мнѣ, какъ живется англійскому народу?

Это книжка, написанная однимъ изъ главныхъ распространителей того самаго международнаго союза рабочихъ, про который я говорилъ тебѣ не разъ.

Имя этому человѣку — Карлъ Марксъ, а называется эта книжка: „Капиталъ“.

Вотъ она-то перенесла меня въ Англію, она-то показала мнѣ, до какихъ мукъ довели богатые англійскій народъ. Но что еще важнѣе, она показала мнѣ, что такъ и должно было быть и что такъ будетъ повсюду, гдѣ есть бѣдные и богатые. Изъ этой-то книжки я увидѣлъ, что никогда не избавиться народу отъ своихъ мукъ, пока есть надъ нимъ хозяева, помѣщики, цари; что одно только спасеніе рабочимъ — это подняться противъ нихъ, чтобы стереть ихъ съ лица земли.

Вотъ это-то я и показалъ тебѣ.

Когда я говорилъ тебѣ, до какой муки долженъ довести теперешній порядокъ всѣ народы и до какихъ онъ уже довелъ англійскій народъ, то я ничего не выдумалъ отъ себя, а говорилъ только то, что написано въ этой книгѣ. Я даже не все говорилъ, что могъ-бы сказать, потому что боялся, что не повѣришь ты мнѣ.

Въ Англіи работаютъ не только по 18, а иногда по 20 часовъ въ сутки. Въ Англіи часто заставляютъ рабочихъ работать до тѣхъ поръ, пока только они могутъ стоять на ногахъ. Въ Англіи часто рабочихъ прямо замариваютъ работой, какъ замариваютъ голодомъ. Въ Англіи работаютъ не только семилѣтніе, а даже и шестилѣтнія дѣти и работаютъ столько же, какъ и взрослые, т. е. по 15, 17 и больше часовъ въ сутки.

Вотъ каково живется англійскому народу!

А вѣдь 70 лѣтъ тому назадъ англичане дѣйствительно работали по 9 часовъ въ день, работали всего 4 дня въ недѣлю. Больше же они не хотѣли работать, потому что всего имъ было въ волю. Значитъ, въ какія нибудь 70 лѣтъ хозяева отняли все это у рабочихъ.

Чего же ждать послѣ этого тебѣ, русскій народъ? Вѣдь и теперь уже хозяева имѣютъ надъ тобой не меньше власти. Вѣдь и теперь они

мучатъ тебя работой, морятъ голодомъ почти такъ же, какъ въ Англіи. А вѣдь дальше будетъ еще хуже, коли ты будешь еще терпѣть ихъ надъ собой.

Такъ довольно жъ тебѣ терпѣть! Неужели еще не натерпѣлся ты? Неужели ты хочешь, чтобы они довели тебя до того же, до чего довели англійскій народъ. Неужели ты хочешь, чтобы все, все, чѣмъ красна жизнь человѣческая, чтобъ самое здоровье и умъ отняли они у тебя?

Не хочешь! Такъ подымись-же на нихъ, потому нѣтъ тебѣ другаго спасенія! Подымись! Сбрось ихъ съ своихъ богатырскихъ плечъ, пока не приросли они къ тѣлу твоему, или горе, горе, горе тебѣ!

Русскій работникъ, къ тебѣ я взываю! Подумай о братьяхъ своихъ, подумай о дѣтяхъ своихъ, подумай о мукахъ, которыя ждутъ ихъ впереди.

Если есть у тебя старикъ отецъ, старуха мать, которыхъ ты любишь и почитаешь, то знай, что не пройдетъ и двухъ поколѣній, какъ такіе же отцы и матери будутъ околѣвать съ голоду подъ заборомъ, потому не нужны они будутъ хозяевамъ и не бросятъ хозяева имъ и сухой корки.

Если есть у тебя дѣти или маленькіе братья, которыхъ ты ласкаешь, когда они сидятъ на

колѣняхъ твоихъ, то помни, что не пройдетъ и двухъ поколѣній, какъ такія же дѣти не будутъ уже играть на колѣняхъ своихъ отцовъ и братьевъ, потому и они будутъ мучиться въ каторжной кабалѣ, добываючи барышъ для своего кровопійцы.

Если есть дѣвушка, которая тебя любитъ и которую ты любишь больше свѣта солнечнаго, то помни, что не пройдетъ и двухъ поколѣній, какъ такія же какъ она должны будутъ идти въ города и продавать себя для разврата своимъ грабителямъ.

Русскій работникъ! Если ты любишь своего отца и мать, если ты любишь братьевъ и дѣтей своихъ, если ты любишь сестеръ своихъ и невѣсту, то подумай о мукахъ, которыя ждутъ братьевъ твоихъ!

Спаси-же ихъ отъ этихъ мукъ, если не окаменѣло сердце твое, если ты не оглохъ къ стонамъ братьевъ своихъ.

Ты долженъ и ты можешь спасти ихъ, ибо приближается великое время, какого не видывала еще земля, время послѣдней борьбы всего рабочаго люда со всѣми утѣснителями его.

Уже заволокло небо черными тучами; уже слышны раскаты грома и дрожатъ всѣ богатые и власть имѣющіе, ибо чувствуютъ они, что начинаетъ прозрѣвать народъ; чувствуютъ, что

близокъ страшный часъ, часъ расплаты за кровь, за муки, за слезы, за все, что вынесъ отъ нихъ народъ.

Иди-же, и куда-бы ни забросила тебя жизнь-прихотливица — въ городъ или деревню, на фабрику или на заводъ — всюду открывай глаза братьямъ своимъ. Говори имъ, что одно спасеніе имъ отъ своихъ мукъ — подняться противъ помѣщиковъ, хозяевъ и властей. Говори имъ, что только одна причина всѣхъ ихъ страданій — покорность помѣщикамъ, хозяевамъ и властямъ!

Когда-же соберется довольно силы, тогда подымайся, русскій народъ, противъ своихъ исконныхъ враговъ! Очисти отъ нихъ землю русскую! съ тѣмъ вмѣстѣ очистится она и отъ лжи, которой они наполнили ее!

Наступитъ тогда новое царство, царство правды и любви, царство правды и справедливости.

Наступитъ такое счастье, какого не видѣло еще ни одно человѣческое око!

Иди-же и возвѣщай братьямъ своимъ, что приближается это царство!

Но скажи имъ, что не войти имъ въ него, пока не убьютъ они трехглаваго змѣя, который стоитъ у входа въ него.

БУДУЩЕЕ ЦАРСТВО.

I.

Каково же это будущее царство? Чѣмъ отличается оно отъ теперешняго порядка?

Оно отличается только однимъ: надъ рабочими нѣтъ и не можетъ быть ни хозяина, ни помѣщика, ни чиновниковъ, которые отнимали бы у нихъ то, что они сработаютъ.

Работники сами себѣ господа и хозяева. Вотъ почему будущій порядокъ мы часто будемъ называть работникимъ.

Какъ сдѣлать, чтобы не было ни хозяевъ, ни помѣщиковъ, ни властителей — я уже говорилъ. Для этого только одно средство — подняться и отнять у нихъ то, что они неправедно себѣ присвоили, потому охотно они никогда этого не отдадутъ. Но какъ же сдѣлать, чтобъ хозяевъ, помѣщиковъ и властей не только не было, но и быть не могло?

Для этого только одно средство: не дѣлить

того, что будетъ отнято у нихъ, а владѣть всѣмъ сообща. Не дѣлить земли, а владѣть ею міромъ. Не дѣлить капиталовъ и фабрикъ, а владѣть ими міромъ, большими артелями, которыя на нихъ работаютъ. А то, что сработаютъ, дѣлить между всѣми поровну, чтобъ не могло быть ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Если этого не сдѣлать, если вмѣсто того, чтобъ владѣть міромъ и дѣлить поровну, что сработаютъ, люди подѣлили бы землю между мужиками, а на фабрикахъ давали бы одному гривенникъ, другому рубль, тогда не прошло бы и нѣсколькихъ поколѣній, какъ не только все вернулось бы къ старому, но стало бы еще хуже. Одинъ разбогатѣлъ бы, другой сталъ бы бѣднымъ. А вѣдь бѣдность, въ особенности же богатство — тоже, что тяжелый камень, который столкнули съ вершины горы. Сначала онъ будетъ катиться медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, и уже ничѣмъ ты не остановишь его. Коли съ человѣкомъ какое несчастье приключилось: падежъ, пожаръ, неурожай, то онъ почти всегда все бѣднѣетъ и бѣднѣетъ. Трудно ему оправиться. А коли богатый пріобрѣлъ тысячу рублей, то пріобрѣсти вторую тысячу ему впятеро легче, чѣмъ первую. А коли у него уже капиталу тысячъ сто, такъ иной въ нѣсколько дней пріобрѣтетъ, пожалуй, и не одну тысячу.

Вотъ почему, если бы, отнявши землю, капиталы и фабрики, мужики не стали бы владѣть ими сообща, а подѣлили ихъ, то этотъ день дѣти наши не благословляли бы, а проклинали во вѣки вѣковъ. Не прошло бы и нѣсколькихъ поколѣній, какъ между ними стала бы такая точно разница въ богатствѣ, какъ и теперь. Вѣдь и теперь рѣдко капиталъ переходитъ ко внуку. Очень часто кулакъ начинаетъ свою жизнь простымъ работникомъ, а къ старости разными подлостями „наживетъ", или — лучше — наградитъ себя капиталомъ въ сотни тысячъ. Такъ было бы, если бы отнявши землю, капиталы и фабрики, народъ подѣлилъ бы ихъ.

Вотъ почему не успѣли бы сойти въ могилу тѣ самые люди, которые поднимались на своихъ грабителей, какъ изъ самого народа вышли бы новые грабители. Одни стали бы нищими, другіе награбили бы себѣ капиталы въ сотни тысячъ. Бѣдные продали бы свою землю богатымъ и изъ нихъ стали бы новые помѣщики. Сами же бѣдняки, чтобъ не умереть съ голоду пошли бы работать на фабрикахъ и заводахъ, либо на землѣ тѣхъ же богатыхъ. Опять кучка богатыхъ стала бы грабить и сосать кровь народную. А чтобы защитить себя отъ праведной мести за свое кровопійство, они выбрали бы царя, дали бы ему войско, чтобы онъ могъ кро-

вью залить всякое народное возстаніе. И царь защитилъ бы ихъ отъ народа своимъ войскомъ. А чтобъ и себѣ не обидно было, наложилъ бы на народъ новыя подати. Онъ заставилъ бы платить ихъ, потому войско было бы въ его власти.

И снова плачъ и рыданія наполнили-бы всю землю. Снова народъ сталъ-бы нищенствовать, какъ теперь, а богатые и власть имѣющіе сосали-бы его кровь и топтали-бы его ногами.

И уже трудно было-бы народу избавиться отъ новой кабалы, потому — врагами его были-бы свои же мужики, а не господа и купцы. Вотъ почему лучше остаться въ теперешней кабалѣ, чѣмъ подниматься, чтобы дѣлить то, что будетъ отнято.

Лучше два царя, лучше вдвое больше помѣщиковъ, чѣмъ подниматься, чтобы подѣлить все, что будетъ отнято.

Тотъ, кто проповѣдуетъ дѣлежъ, глупецъ, который не понимаетъ, что говоритъ. Онъ злѣйшій врагъ народа.

И такъ, при работницкомъ порядкѣ не будетъ дѣлежа. Всѣмъ: и землей, и фабриками, и заводами будутъ владѣть міромъ, артелью. То, что сработаютъ, будетъ дѣлиться поровну между всѣми, чтобы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ.

Но ты сейчасъ увидишь, что такъ будетъ толь-

ко въ началѣ. Скоро придетъ время, когда люди будутъ владѣть всѣмъ, какъ братья владѣютъ своимъ добромъ: каждый будетъ дѣлать, сколько можетъ, а брать сколько ему нужно. Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же повторяю: будущій работницкій порядокъ отличается отъ теперешняго тѣмъ, что надъ рабочими нѣтъ и не можетъ быть никого, кто отнималъ-бы у нихъ то, что они сработаютъ.

Вотъ все, чѣмъ отличается будущее работницкое счастье отъ теперешняго. Но отъ этого одного измѣняется все, родится такое счастье на землѣ, что мы и постигнуть не можемъ.

Покачаетъ кто головой и скажетъ:

— Бредни! Если бы даже и взаправду это все наступило, то развѣ много можетъ измѣниться отъ одного того, что надъ работниками не будетъ хозяина?

О, мудрецъ закоснѣлый! Возьми два зерна: яблочное и гречневое — много-ли разницы между ними? Одно гладкое, другое шаршавое, а какія разныя растенія выростаютъ изъ нихъ! Возьми два яйца — воронье и павлиное. Много разницы между ними? А какія разныя птицы вылупляются изъ нихъ!

II.

Самый страшный врагъ человѣка — бѣдность. Она-то прежде всего исчезаетъ въ работницкомъ порядкѣ. Я не буду говорить о томъ, на сколько разбогатѣетъ народъ черезъ то, что не будетъ царя, чиновниковъ и всѣхъ, кто отнимаетъ у него податями то, что онъ сработаетъ.

Я не буду говорить о томъ, на сколько онъ разбогатѣетъ черезъ то, что ему достанется все, что онъ можетъ сработать на фабрикахъ. Я разсчитаю только, на сколько онъ разбогатѣетъ черезъ то, что онъ сработаетъ на землѣ, значитъ, чрезъ одну свою лѣтнюю работу.

Теперь большею частью земель владѣютъ помѣщики, казна, монастыри, заводы и т. п.

Только одна пятая часть всей удобной земли принадлежитъ крестьянамъ, такъ что на душу приходится круглымъ счетомъ всего по 3 десятины. Когда вся земля будетъ крестьянскою, тогда, значитъ, на душу придется не 3, а 15 десятинъ, т. е. въ 5 разъ больше земли, чѣмъ теперь, значитъ, отъ одного этого мужики разбогатѣютъ въ пять разъ.

Но всякій знаетъ, что крестьянамъ нарѣзали самой худшей земли. Земля, что осталась у помѣщиковъ, у казны, у монастырей, гораздо

лучше той, которую они понарѣзали крестьянамъ. Сосчитано, напримѣръ, что въ великорусскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ на помѣщичьей десятинѣ родится круглымъ счетомъ вдвое больше хлѣба, чѣмъ на крестьянской, хотя мужикъ на своей землѣ работаетъ, разумѣется, старательнѣе, чѣмъ на помѣщичьей по найму.

Значитъ, не въ пять, а въ девять разъ больше было-бы хлѣба у мужика, потому что на четырехъ доляхъ, которыя къ нему отошли-бы, родится столько, сколько на восьми теперешнихъ мужицкихъ родится.

Но я не буду брать этого, потому что урожаи разсчитаны только для помѣщичьей, а не для всей земли, которою владѣютъ не мужики (а напримѣръ казна, заводы, монастыри). Я буду принимать, что земля, которую получитъ мужикъ, такая-же по плодородію, какъ и его теперешняя, и что, значитъ, онъ отъ этого разбогатѣетъ всего въ пять разъ. Но и то, если положимъ, что теперь мужицкая семья въ 5 человѣкъ проживаетъ круглымъ счетомъ полтину въ день или гривенникъ на человѣка, то и тогда она будетъ проживать пять полтинъ или 2 съ полтиной въ день, или близко около 1.000 рублей въ годъ.

Такъ разбогатѣетъ мужикъ отъ того только, что земли станетъ у него больше.

Теперь я разсчитаю, на сколько разбогатѣетъ

онъ черезъ то, что земля станетъ обрабатываться лучше.

При работницкомъ порядкѣ землю не дѣлятъ на клочки, а владѣютъ и работаютъ на ней міромъ. Велики выгоды такой работы. Когда каждый хозяинъ владѣетъ своимъ клочкомъ земли, то невыгодно заводить какія нибудь машины. Въ одинъ день машиной онъ сдѣлаетъ все, что нужно, а потомъ машина будетъ стоять безъ пользы, а хозяинъ будетъ сидѣть, сложа руки. Когда же работаютъ міромъ, обществомъ, на мірской землѣ, тогда машины заводить очень выгодно, потому — каждая община владѣетъ многими тысячами десятинъ. А отъ машинъ выгода огромная. Одинъ человѣкъ съ машиною сдѣлаетъ по крайней мѣрѣ въ 5 разъ больше, чѣмъ съ простымъ орудіемъ, какимъ теперь работаютъ.

Значитъ, чтобы обработать столько земли, сколько теперь обработывается, нужно будетъ въ 5 разъ меньше народу.

Значитъ, не только земля будетъ обработана лучше, потому — машинная обработка много лучше ручной, но и четыре пятыхъ всего народа будутъ свободны. Они употребятъ свой трудъ на расчистку новинъ, на осушеніе болотъ, на вырубку лѣсовъ, на увеличеніе скота и удобренія и т. п. А во сколько разъ больше хлѣба родится чрезъ это! Ученые сосчитали, что при

хорошемъ хозяйствѣ земля могла бы родить въ 40, 50 разъ больше, чѣмъ теперь.

Но я не буду брать этого, потому что ты все-таки можешь не повѣрить мнѣ, а я возьму другое: извѣстно всѣмъ, что въ Англіи земля хуже, чѣмъ у насъ, а все-таки тамъ родится съ десятины въ 4 раза больше, чѣмъ у насъ, потому у тамошнихъ помѣщиковъ хозяйство, хотя и не самое лучшее, а все-же порядочное.

Значитъ, не въ 5, а по крайней мѣрѣ въ 20 разъ больше хлѣба получалъ-бы мужикъ съ земли; потому ужъ отъ одного того, что вся земля будетъ мужицкая, онъ получитъ въ 5 разъ больше хлѣба.

Значитъ, чрезъ одно земледѣліе народъ русскій разбогатѣлъ бы въ 20 разъ. Если теперь мужицкая семья въ пять человѣкъ проживаетъ въ день полтину, то, при работницкомъ порядкѣ, она могла бы проживать 20 полтинъ или 10 рублей въ день, или 3 съ половиною тысячи въ годъ!

Тебѣ не вѣрится? А вѣдь и это еще не все богатство, что дастъ работницкій порядокъ.

Я говорилъ только о двухъ причинахъ увеличенія богатства: о томъ, что земли у народа станетъ больше и обработывать ее будутъ лучше. Но есть еще третья, которая стòитъ обѣихъ первыхъ: и это та, что при работницкомъ порядкѣ измѣняется самый трудъ. Одинъ человѣкъ сдѣлаетъ столько, какъ теперь четверо или больше.

Этому причины двѣ. Первая, что при работницкомъ порядкѣ всѣ работаютъ на себя. Никто не работаетъ на помѣщика, либо арендатора. Значитъ, работа усерднѣе. А всякій работникъ знаетъ, что, напримѣръ, при поштучной платѣ, когда только часть выгоды дается работнику, онъ сдѣлаетъ въ 3, въ 4 раза больше, чѣмъ при поденной платѣ. А почему? потому что увеличивается усердіе.

Кромѣ того, при работницкомъ порядкѣ увеличивается самая сила рабочихъ, потому никто не надрывается надъ работой, всѣ ѣдятъ хорошую пищу, спятъ вволю. Тогдашняя баба уберетъ пятерыхъ теперешнихъ гвардейцевъ. Понятно, что болѣе сильный работникъ сработаетъ больше. Значитъ, отъ обѣихъ этихъ причинъ не въ 20 разъ увеличится богатство народа, а гораздо больше. Клади смѣло 40, клади 50 и навѣрно ты не ошибешься. Значитъ, не полтину, а 20, 25 рублей въ день и 7 тысячъ въ годъ, могло бы проживать тогда семейство рабочихъ!

Ты, можетъ быть, испугаешься такого числа. Тебѣ покажется это невозможнымъ. Ты скажешь, что при своемъ расчетѣ я должно быть преувеличилъ.

Ну чтожъ, прочитай мой расчетъ еще разъ и скажи, гдѣ я преувеличилъ.

Можетъ быть, въ землѣ? Нѣтъ, возьми книжки,

гдѣ объ этомъ сказано, и ты увидишь, что дѣйствительно мужики владѣютъ только одной пятой долей русской земли, а остальными четырьмя пятыми владѣютъ помѣщики и другіе кровопійцы, и что даже земли ихъ гораздо лучше мужицкой.

Можетъ быть, въ обработкѣ? Нѣтъ; возьми книжки, гдѣ объ этомъ говорится, и ты узнаешь, что въ Англіи дѣйствительно родится съ десятины въ 4 раза больше хлѣба, чѣмъ у насъ, а земля тамъ хуже.

Можетъ быть, въ усердіи и силѣ? Это дѣйствительно можетъ быть, хотя, по правдѣ, я и тутъ ничего не преувеличилъ. Но положимъ, что да. Ну такъ откинь ихъ, коли ты такой опасливый. Пусть мужикъ на своей землѣ будетъ работать такъ же, какъ и на помѣщичьей; пусть сильный человѣкъ сработаетъ столько-же, какъ и слабый. Все таки ты получишь, что на семью придется десять рублей въ день или три съ половиною тысячи въ годъ. И это отъ одной лѣтней работы. А сколько онъ получитъ чрезъ зимнюю!

И такъ, вмѣсто страшной нищеты наступитъ неслыханное богатство. Вотъ самое первое и самое важное слѣдствіе работницкаго порядка.

Безъ него не могло бы быть ничего. Это несокрушимая скала, на которой строится все зданіе будущаго порядка.

Это ворота въ царство вѣчнаго счастья.

Теперь я попытаюсь провести тебя сквозь эти ворота и издали показать тебѣ хоть наружный видъ самаго царства.

III.

Трудно человѣку, который видѣлъ только дождевыя лужицы, описать море. Трудно человѣку, который видѣлъ только тусклый фонарь, описать солнечный свѣтъ. Также трудно и мнѣ, и всякому, кто живетъ при теперешнемъ порядкѣ, описать то счастье, которое ждетъ дѣтей нашихъ.

Когда ты выймешь изъ клѣтки лѣсную птичку и выпустишь ее на волю, то ты увидишь только, какъ она вспорхнетъ, взовьется подъ облака и скроется изъ глазъ твоихъ. Куда-же она полетитъ послѣ, — ты не можешь сказать. Ты знаешь только, что полетитъ она туда, гдѣ свѣжо, гдѣ цвѣты, гдѣ воля, и будетъ порхать она съ вѣтки на вѣточку, и будетъ пѣть чудныя пѣсни, какихъ никогда не пѣвала въ неволѣ.

Птичка, которая томится въ тѣсной клѣткѣ, это народъ, который томится въ горькой неволѣ.

Мы можемъ только намекнуть, какого рода перемѣны произойдутъ въ его жизни, когда рабо-

бьетъ онъ свои цѣни. Описать же самыя эти перемѣны мы не можемъ.

Я разсчиталъ, какъ страшно увеличится богатство народа, когда наступитъ работницкій порядокъ.

Но человѣку не нужно такихъ огромныхъ богатствъ. Только развращенные теперешніе богачи никогда не могутъ быть довольны тѣмъ, что имѣютъ, и хотятъ все больше и больше. Посмотри, на что они тратятъ свои доходы. Развѣ на то, чтобы сдѣлать свою жизнь пріятнѣе? Нѣтъ, совсѣмъ не на то! А на то, чтобы показать свое богатство передъ другими, чтобы другіе завидовали имъ. Развѣ рысакъ, который стоитъ три тысячи, бѣжитъ въ шесть разъ быстрѣе того, который стоитъ 500 рублей? Нѣтъ, онъ не бѣжитъ и въ полтора раза быстрѣе. Развѣ соболья шуба, которая стоитъ 10 тысячъ рублей, въ сто разъ теплѣе козьей, которая стоитъ сто рублей? Нѣтъ, она вовсе не теплѣе. Развѣ золотые часы ходятъ лучше серебряныхъ? Развѣ алмазы и камни самоцвѣтные красивѣе полевыхъ цвѣтовъ?

И такъ, не для того, чтобы сдѣлать свою жизнь удобнѣе и пріятнѣе, нужны богачамъ ихъ огромныя богатства, а для тщеславія.

При работницкомъ порядкѣ этого не можетъ быть, потому что всѣ будутъ равны, не будетъ

ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; самыя слова эти забудутся народомъ.

Тогда никого не будетъ пожирать ненасытная жажда къ богатству, поэтому народъ будетъ работать несравненно меньше, чѣмъ теперь. Если теперь онъ работаетъ пятнадцать часовъ, то тогда онъ станетъ работать пять часовъ, и все таки будетъ жить въ десять разъ лучше, чѣмъ теперь. Все же остальное время народъ будетъ свободенъ. Значитъ, не только не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, но не будетъ ни ученыхъ, ни неученыхъ, потому никто не захочетъ быть ниже другихъ, а всякому будутъ доступны всѣ науки и искусства, которыми теперь овладѣли богатые.

Исчезнетъ навсегда темнота народная, исчезнутъ всѣ предразсудки и суевѣрія, ибо они разсѣеваются отъ знанія, какъ ночной туманъ отъ солнечнаго свѣта. Но мало того; люди создадутъ такую науку, передъ которой нынѣшняя показалась бы лепетомъ десятилѣтняго школьника.

Кто теперь поучаетъ народъ, кто идетъ въ ученые, въ писатели, въ художники? Развѣ самые умные и способные? Ничуть не бывало. Идетъ тотъ, у кого отецъ богаче и можетъ долго обучать его всему этому. Потому обучиться наукамъ или художествамъ много дороже, чѣмъ ремеслу. И вотъ изъ этихъ то людей дѣлаются

ученые, писатели, художники. Почти ни у кого изъ нихъ нѣтъ ни способностей, ни любви къ своему дѣлу. Они занимаются имъ только потому, что оно дастъ рубли, а ремесло — гроши.

При работницкомъ порядкѣ науками и искусствами будутъ заниматься только тѣ, кто любитъ ихъ, кто къ нимъ способенъ, потому отъ нихъ не будетъ никакой выгоды. Не будетъ тупоголовыхъ ученыхъ, бездарныхъ писателей и художниковъ. Но за то будутъ такіе ученые, такіе писатели, такіе художники, какихъ міръ, быть можетъ, не видитъ и разъ въ столѣтіе.

Мало родится людей, великихъ умомъ и талантомъ, какъ мало попадается въ землѣ крупныхъ самородковъ золота. Много тысячъ пудовъ песку надо промыть прежде, чѣмъ попадется крупный самородокъ. Точно также и съ великимъ умомъ и талантомъ.

Теперь наука и искусство доступны почти только самымъ богатымъ, которыхъ очень мало. Вотъ почему такъ рѣдки при теперешнемъ порядкѣ великіе умы и таланты. На цѣлое столѣтіе ихъ попадается нѣсколько.

Но это не все. Мало золота получишь съ одной горсточки песку даже въ самой богатой розсыпи. Ну, а что, если и самого золота почти не осталось въ ней?

Умъ и способности сохраняются только при

работѣ также точно, какъ и сила. Теперешнимъ же богачамъ не на чемъ развивать своего ума и способностей. Богатые не охотники до этого. Все время они предпочитаютъ проводить въ лѣни, обжорствѣ и развратѣ. Зачѣмъ имъ заниматься наукой? Зачѣмъ имъ писать книжки? Развѣ для того, чтобы народъ обучился на ихъ погибель?

Теперешніе богачи — это отупѣлые, оплывшіе жиромъ кабаны, у которыхъ иногда и мысли никакой въ головѣ не бываетъ. Отъ отупѣлыхъ отцовъ родятся такія же тупыя дѣти. Вотъ почему почти всѣ люди, великіе умомъ и талантомъ, выходятъ изъ дѣтей народа, когда этимъ бѣднякамъ коимъ-нибудь чудомъ удалось пробить своей головой толстый слой льду, который держитъ ихъ во мракѣ и не даетъ выглянуть на свѣтъ божій. Ну, а много-ли такихъ счастливцевъ? Сколько головъ разбилось объ этотъ ледъ? А сколько такихъ, которые и не пробовали вынырнуть, потому что помнили, что не перешибить плетью обуха, либо вовсе не думали пробиться наверхъ, потому что не чуяли они своихъ великихъ дарованій!

Вотъ почему такъ рѣдки великіе умы, вотъ почему они стоятъ одинокіе, какъ колодцы въ безлюдной степи.

Не то будетъ при работницкомъ порядкѣ: тогда всѣ будутъ учеными. Значитъ, не пропа-

детъ безъ пользы для людей ни одного великаго ума или таланта.

Легче счесть песокъ морской, чѣмъ вычислить, какое счастье дастъ это людямъ.

Велика сила человѣческаго ума, велики чудеса, которыя онъ создалъ. Развѣ желѣзныя дороги, телеграфы, машины не великія чудеса? Что-же будетъ, когда сила человѣческаго ума увеличится во сто разъ, когда вмѣсто одного ученаго ихъ будетъ сотня?

Какъ скала въ безводной пустынѣ раскрыла грудь свою и напоила жаждущихъ евреевъ, когда Моисей ударилъ въ нее жезломъ, такъ природа раскроетъ сосцы свои и потекутъ изъ нея рѣки изобилія, когда столько великихъ умовъ воззовутъ къ ней.

Велико богатство, которое дастъ народу работницкій порядокъ самъ по себѣ, но то, что дастъ онъ чрезъ науку тоже предъ нимъ, что Волга-матушка передъ дождевой струей. Выдумана новая машина, и каждый человѣкъ дѣлаетъ столько, какъ прежде сто. Выдумано новое удобреніе, и тотъ-же клочекъ земли родитъ въ десятеро.

Но не объ одной пользѣ думаетъ и не къ одной пользѣ стремится человѣкъ.

Много услады даетъ человѣку богатство, обладаніе всѣми богатствами земными. Но что

они предъ тѣмъ, что даетъ человѣку прониканіе въ тайны природы, наслажденіе тѣмъ, что только лучшаго создалъ человѣкъ, наукой и искусствомъ? Припомни: развѣ не разгоняла твою тоску-кручину задушевная пѣсня? Развѣ не заслушивался ты ея и не забывалъ на минуту всѣхъ невзгодъ и печалей своей сѣрой жизни?

А есть нѣчто, чего еще не извѣдалъ ты, отчего еще сильнѣе бьется сердце, еще глубже дышетъ грудь. Это — наука и искусство.

Теперь всѣми этими удовольствіями пользуются одни богатые; при работницкомъ порядкѣ всѣ эти радости будутъ доступны всякому.

Вотъ толпа возвращается съ работы, но ни на чьемъ лицѣ не видно усталости: работа непродолжительна, да и ту почти всю дѣлаютъ машины. Всѣ веселы и говорливы, точно вернулись съ праздника. Не видно между ними ни хилыхъ, ни больныхъ, потому никто не надрывается надъ работой, никто не задыхается въ тѣсныхъ комнатахъ. Нѣтъ между ними тупыхъ и безсмысленныхъ лицъ, потому нѣтъ ни одного, кто не былъ бы развитѣе теперешнихъ ученыхъ. Вотъ они садятся обѣдать, и пища ихъ вкусна и здорова. Ихъ обѣдъ приправленъ веселой рѣчью и братской любовью.

А вечеромъ одни разсыпаются по зеленымъ полямъ водить хороводы и играть въ разныя

игры. Другіе собрались около своихъ товарищей, внимаютъ они словамъ ихъ и восторгъ выражается на ихъ лицахъ, ибо великія и сокровенныя тайны природы открываютъ имъ мудрые товарищи. И проясняется взоръ слушателей, и видятъ они великія чудеса природы тамъ, гдѣ вчера ничего не видѣли, и высокая радость охватываетъ ихъ душу, и восторженные крики вырываются изъ ихъ груди.

А въ другомъ мѣстѣ безмолвная толпа внимаетъ, затаивши дыханіе, дивнымъ звукамъ, которые льются, какъ серебряныя волны, изъ устъ великаго пѣвца.

Тамъ рабочіе восхищаются невиданной картиной, которую создалъ ихъ товарищъ въ часы досуга, чтобы усладить зрѣніе друзей своихъ.

А тамъ стоитъ человѣкъ и читаетъ какой-то свертокъ. Кругомъ него толпа большая, чѣмъ вокругъ всѣхъ прочихъ вмѣстѣ, и слушаютъ они, боясь проронить одинъ звукъ изъ его чудныхъ словъ. Какъ живыя, проходятъ передъ ихъ взоромъ дивныя картины, и дыханіе спирается у нихъ въ груди, и нѣтъ конца ихъ восторженнымъ крикамъ, когда кончилъ чтецъ и опустилъ свертокъ, который держалъ въ рукѣ своей.

Велико счастье этихъ людей. А вѣдь я показалъ тебѣ только малую долю того счастья, которое дастъ людямъ будущій порядокъ!

Будущій порядокъ, это — дивный храмъ, какого не видало ни одно человѣческое око. Ступени его это — богатство, которое наступитъ при немъ. Ты взошелъ уже по этимъ ступенямъ, ты видѣлъ уже притворъ этого храма; но алтаря его ты не видѣлъ еще. Такъ притаи-же дыханіе свое! Теперь я поведу тебя къ самому алтарю, попытаюсь поднять край завѣсы его, чтобы показать тебѣ высочайшее счастье, какое дастъ будущій порядокъ роду человѣческому.

IV.

Когда ты поплывешь по теченію великой рѣки, то ты увидишь, что чѣмъ дальше плывешь ты, тѣмъ она дѣлается все шире и шире, все глубже и глубже, пока не впадетъ наконецъ въ безконечное море.

Таково же и будущее царство.

Велико счастіе, которое оно дастъ черезъ богатство. Еще больше то, которое дадутъ людямъ искусства, художества и науки. Но это только верховья великой рѣки. Глубоки они, но ничтожна ихъ глубина предъ глубиной того безконечнаго моря, въ которое впадаетъ она.

Это море — то счастье, которое даетъ человѣку самъ человѣкъ. Ибо истинно говорю тебѣ,

что придетъ время, когда сами люди переродятся, когда очистятся они отъ всѣхъ пороковъ, которые оскверняютъ ихъ теперь и не будетъ уже на землѣ ни лжи, ни обмана, ни обиды, ни насилія, ни корысти, ни зависти, ни злобы, ни вражды! Любовь и правда воцарятся на ней и царствію ихъ не будетъ ни предѣла, ни конца.

Страшное зрѣлище представляетъ родъ человѣческій теперь. Небольшая кучка людей стоитъ надъ народомъ и захватила себѣ все, что есть лучшаго на землѣ—богатство, волю, наслажденіе науками и искусствами. А весь народъ томится въ страшномъ рабствѣ и въ вѣчной нищетѣ. Какъ стаѣ голодныхъ собакъ, богатые бросаютъ народу объѣдки со своего стола, и вотъ, какъ голодныя собаки, люди кидаются другъ на друга, чтобы вырвать эти жалкіе объѣдки. Всѣ душатъ, терзаютъ другъ друга, не разбирая ни своихъ, ни чужихъ, потому что отъ этого зависитъ жизнь и смерть каждаго. Если я не вырву у тебя куска изо рта, то самъ долженъ буду умереть съ голоду.

И вотъ пропадаетъ правда между всѣми людьми. Люди становятся злѣе хищныхъ волковъ, потому что другъ друга не терзаютъ и хищные волки.

Но погоди оплакивать гибель рода человѣческаго!

Когда другъ твой упалъ въ пучину морскую и вытащенъ на берегъ неподвижный и бездыханный, то погоди рыдать надъ нимъ: приложи ухо къ сердцу его, и если бьется оно, то утри слезы свои, ибо истинно говорю тебѣ: воскреснетъ другъ твой!

Такъ же точно и родъ человѣческій. Истинно говорю тебѣ: не погибъ онъ, потому не застыло сердце его. Неугасимымъ пламенемъ горитъ въ немъ любовь и всѣмъ морямъ въ мірѣ не залить этого пламени!

Весь теперешній порядокъ держится на борьбѣ, на враждѣ. Кто не хочетъ умирать съ голоду, а хочетъ жить въ довольствѣ; кто хочетъ быть свободнымъ, а не рабомъ другихъ людей, тотъ долженъ быть безчувственъ къ страданьямъ братьевъ своихъ, долженъ вырывать у голоднаго послѣдній кусокъ хлѣба. Враждой люди рождены, враждой вскормлены, враждой повиты. Все силится задушить любовь въ сердцѣ человѣческомъ, но ничто не могло этого сдѣлать, ибо легче вырвать каменную гору изъ нѣдръ земли и бросить ее подъ облака, чѣмъ искоренить любовь изъ сердца человѣческаго.

У одного царя было трое дѣтей — два сына и одна дочь. Всѣхъ ихъ любилъ онъ, потому что всѣ они были его родныя дѣти. Но старшіе сыновья измѣнили отцу и соединились они

съ врагами его. И свергли они его съ престола и заковали въ цѣпи и бросили въ черную тюрьму. — Одна дочь не измѣнила ему. Соединила она всѣхъ друзей его, прогнала враговъ его и свергнула съ престола братьевъ своихъ. Освободила она изъ тюрьмы отца своего, но преклонился онъ передъ своею дочерью. И гордые братья преклонились передъ ней и увѣнчали они ее вѣнками изъ бѣлыхъ цвѣтовъ и дали въ руки зеленую вѣтвь и посадили ее на престолъ славы.

Царь — это родъ человѣческій.

Дочь — это любовь.

Все измѣнило народу: сила и храбрость измѣнили ему и продали себя врагамъ его. И стали они защищать не слабыхъ и обиженныхъ, а сильныхъ и обидчиковъ.

Умъ и наука измѣнили ему и продали себя врагамъ его. И стали они защищать не правду и добро, а ложь и несправедливость.

Одну любовь не могли купить всѣ сокровища міра. Она одна осталась вѣрна народу и она одна спасетъ его отъ погибели.

Искони вѣковъ враги народа только и думали, чтобъ затемнить умъ народа. Они держали его въ вѣчной нищетѣ, чтобъ онъ всю жизнь работалъ какъ рабочая скотина, и не могъ ни о чемъ думать кромѣ куска хлѣба.

Они подкупали поповъ, чтобы они говорили

народу, будто Богъ повелѣлъ ему быть рабочей скотиной богатыхъ, и что страшныя муки ждутъ на томъ свѣтѣ всякого, кто задумаетъ освободиться отъ рабства.

Они грозили страшными казнями всякому, кто посмѣетъ открыть народу правду, потому знали злодѣи, что когда прозрѣетъ народъ, тогда наступитъ конецъ ихъ владычеству.

Но напрасны были всѣ ихъ усилія.

Во всѣ времена, и во всѣхъ странахъ, изъ среды народа, и даже изъ среды угнѣтателей и враговъ его, подымались люди, сильные умомъ и волею, которые возвышали свой могучій голосъ, чтобъ открыть правду братьямъ своимъ.

Враги народа говорили имъ: идите въ наши ряды, и мы осыпемъ васъ богатствомъ и славою. Мы построимъ вамъ каменныя палаты, и вѣтеръ не коснется лица вашего. Все, что есть лучшаго и драгоцѣннаго на землѣ, мы соберемъ и повергнемъ къ ногамъ вашимъ, ибо видимъ мы, что свѣтъ проникаетъ въ умы народа, и намъ нужны люди сильные умомъ и словомъ, чтобы задавить въ народѣ все враждебное намъ.

Но они плевали въ лицо своимъ коварнымъ обольстителямъ, они бросали свои дорогія одежды и надѣвали рубища: они покидали свои роскошныя палаты и уходили скитаться безъ крова и пристанища, чтобъ открыть народу причину его

страданій и поднять его противъ злодѣевъ его.

И хватали ихъ враги народа, и не было предѣла ярости ихъ, ибо чувствовали они, какъ отъ могучаго голоса этихъ людей дрожатъ до основанія и готовы обрушиться на ихъ головы каменныя стѣны ихъ палатъ.

И жгли ихъ враги народа медленнымъ огнемъ, и сдирали съ нихъ съ живыхъ кожу, и рвали ихъ тѣло раскаленными щипцами.

Но гибли мученики, а по ихъ слѣдамъ шли новыя толпы учениковъ ихъ, которые знали, на что они идутъ, знали, что покидаютъ. И напрасно свирѣпствовали враги народа, напрасно писали они страшные законы! Ничто не могло удержать этихъ людей, ибо велика сила любви въ сердцѣ человѣческомъ.

Если такова сила любви, когда все силится подавить ее, то что же будетъ, когда все будетъ укрѣплять ее?

Когда ты запрудишь потокъ высокою плотиною, то вода соберется позади плотины, потому что плотина не будетъ пускать ее. Но все таки тонкая струя будетъ протекать черезъ плотину и будетъ течь свѣтлый ручеекъ по полямъ, орошая берега свои и покрывая ихъ яркою зеленью.

Но что такое этотъ ручеекъ передъ тѣмъ

могучимъ потокомъ, который хлынетъ, когда ты разрушишь самую плотину?

Сердце человѣческое — это родникъ безконечной любви. Только теперешній порядокъ мѣшаетъ ей вылиться. Еслибъ не онъ, то полилась бы она широкимъ потокомъ и весь міръ наполнила бы собою.

Человѣкъ жаждетъ любви, потому что любовь даетъ ему величайшее счастье, какое только есть на землѣ.

Почему человѣкъ ѣстъ и пьетъ вкусно, когда можетъ? Почему онъ слушаетъ пѣніе, занимается науками, когда можетъ? Потому, что вкусно ѣсть, слушать пѣніе и заниматься науками—пріятно.

А развѣ можетъ все это сравниться съ тѣмъ безпредѣльнымъ счастіемъ, которое даетъ человѣку любовь? Одна любовь даетъ человѣку величайшее счастіе. Все остальное даетъ не счастіе, а только удовольствіе. Но и удовольствіе это кратковременно: не можетъ человѣкъ весь день ѣсть, хотя бы самыя вкусныя блюда. Поѣвши, онъ говоритъ: довольно! и прошло удовольствіе его. Не можетъ онъ цѣлый день смотрѣть на картину или слушать пѣніе. Посмотрѣвши и послушавши, онъ говоритъ: довольно! и прошло удовольствіе его. Любовь же вѣчна и безконечна. Не скажетъ человѣкъ

другу своему: ты уже достаточно сильно любишь меня — перестань! Не скажетъ онъ товарищамъ своимъ: у меня довольно друзей между вами, я не хочу, чтобъ у меня ихъ было больше. Чѣмъ больше любитъ человѣкъ и чѣмъ больше его любятъ, тѣмъ больше счастіе его. И глубже этого счастія нѣтъ на землѣ!

Если человѣкъ обладаетъ всѣми благами земными, если онъ ѣстъ на серебрѣ, одѣвается въ золото, но не знаетъ любви, то онъ несчастнѣйшій изъ людей.

Любовь для человѣка то же, что вода для цвѣтка: есть вода — цвѣтокъ свѣжъ и душистъ; нѣтъ ея — онъ вянетъ и сохнетъ, какъ бы хороша ни была земля, на которой онъ растетъ.

Вотъ почему человѣкъ жаждетъ любви больше, чѣмъ всѣхъ благъ земныхъ.

Но при теперешнемъ порядкѣ люди должны дѣлать другъ другу зло, грабить, обманывать другъ друга, чтобы самимъ отбиться отъ голода, холода и рабства. Вотъ почему между людьми нѣтъ любви.

Но и при теперешнемъ порядкѣ любовь рвется изъ сердца человѣческаго, если только ей есть какой нибудь выходъ.

Почему человѣкъ любитъ родныхъ своихъ? Потому, что они не дѣлаютъ ему зла, а гдѣ могутъ, помогаютъ ему. И вотъ дѣтей не нихъ.

любовь изъ сердца человѣческаго, потому что разрыта въ этомъ мѣстѣ плотина, которая не пускаетъ ее.

Когда будетъ разрушенъ теперешній порядокъ, тогда совсѣмъ уничтожится эта плотина, потому людямъ не нужно будетъ терзать другъ друга, чтобы самимъ прожить; всего имъ будетъ вдоволь. Тогда всѣ будутъ жить, какъ теперь братья живутъ, и всѣ будутъ любить другъ друга, какъ братья!

Какъ братья? Нѣтъ, больше чѣмъ братья, ибо теперь братъ долженъ вырывать хлѣбъ изо рта брата, чтобы самому не умирать съ голоду!

И новое солнце взойдетъ тогда надъ родомъ человѣческимъ, и новое небо спустится на землю.

Не будетъ тогда на землѣ ни обиды, ни насилія, ибо не подымется рука твоя на брата твоего, котораго ты любишь больше себя!

Не будетъ ни лжи, ни обмана, ибо не повернется языкъ твой солгать брату своему, котораго ты любишь больше самого себя!

Ни зависти, ни корысти, ни злобы, ни вражды не будетъ на землѣ, потому не можетъ она быть тамъ, гдѣ люди любятъ другъ друга больше, чѣмъ родные братья.

И не узнаютъ люди самихъ себя, когда имъ разскажутъ, какъ дѣды ихъ терзали, душили,

грабили другъ друга. Не повѣрятъ они, когда разскажутъ имъ, какъ братъ отнималъ хлѣбъ у брата, отецъ у сына, чтобы взять себѣ. Потому забудутъ они самыя слова „мое" и „чужое"; потому всякій съ радостью будетъ отдавать другому все, что есть у него, и не будетъ ему бо̀льшей радости, какъ сдѣлать что-нибудь пріятное брату своему.

Не повѣрятъ они, что люди хватали другъ друга, какъ бѣшеныхъ звѣрей, заковывали въ цѣпи и сажали въ тюрьмы и остроги. А другіе люди говорили: мы мудрѣе и справедливѣе ихъ; и приказывали привести ихъ предъ лицо свое и судили ихъ. Не будетъ тогда на землѣ ни палачей, ни судей, ибо самыхъ преступленій не будетъ тогда на землѣ.

И не будетъ тогда на землѣ никакой власти человѣка надъ человѣкомъ. Не только кровожадныхъ царей и вельможъ и ихъ подлыхъ слугъ, чиновниковъ, не будетъ, но не будетъ на землѣ никакой власти, никакихъ законовъ не будетъ, потому не для кого будетъ писать ихъ, когда люди будутъ любить другъ друга больше, чѣмъ родные братья. Зачѣмъ тогда законы, которые заставляютъ человѣка дѣлать то и то, когда каждый скорѣе отдастъ себя на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, чѣмъ однимъ словомъ обидѣтъ брата своего.

Вотъ земля обѣтованная, которая уготована всѣмъ народамъ земнымъ. Блаженны дѣти наши, которыя войдутъ въ нее!

Блаженъ и тотъ, кто, какъ Моисей, издали увидитъ ее съ высокой горы! Ибо спокойно сомкнетъ онъ очи свои съ вѣрой и надеждой на счастіе рода человѣческаго.

Но трикратъ блаженъ ты, если трудами своими ты помогалъ народу приблизиться къ этой землѣ; если ты отрекся отъ себя и пошелъ открывать всю правду братьямъ своимъ. Вѣчный миръ снизойдетъ въ душу твою, ибо будешь знать ты, что трудишься и страдаешь за счастіе рода человѣческаго! Люди, развращенные теперешнимъ порядкомъ, люди съ окаменѣлымъ сердцемъ, глухіе къ стонамъ братьевъ своихъ, скажутъ тебѣ: безумецъ, опомнись! что тебѣ до другихъ? думай о себѣ самомъ; вѣдь ты можешь добиться счастія, а ты идешь на вѣчныя лишенія! Ты отказываешься отъ всѣхъ радостей семейной жизни, отказываешься отъ почестей и богатства, которыя, быть можетъ, ждутъ тебя впереди!

Да, ты отказываешься отъ всего этого. Не на пиръ среди умирающихъ съ голоду братьевъ зовемъ мы тебя. Зовемъ мы тебя на великое служеніе имъ.

Не будешь ты имѣть семьи, не будешь знать

ни крова, ни пристанища, и враги народа будутъ гнать тебя голоднаго и холоднаго изъ города въ городъ, изъ села въ село. И горшее постигнетъ тебя: изъ братьевъ твоихъ, за которыхъ ты душу радъ положить, выйдутъ враги тебѣ, потому возьмутъ ихъ злодѣи и опутаютъ ихъ умъ ложью и заставятъ служить себѣ. Но когда будутъ травить тебя, какъ дикаго звѣря, враги твои, — и ты, босой и голодный, будешь убѣгать отъ нихъ, и не будешь ты имѣть, гдѣ преклонить голову, то и тогда не позавидуешь ты всѣмъ лицемѣрамъ, спокойно живущимъ потомъ и кровью братьевъ своихъ, ибо истинно говорю тебѣ — ты будешь счастливѣе ихъ.

Когда враги твои схватятъ тебя и закуютъ тебя и бросятъ тебя безъ пищи и питья въ черную тюрьму, то и тогда ты не позавидуешь имъ, ибо истинно говорю тебѣ, — ты будешь счастливѣе ихъ.

Когда осудятъ тебя на смерть, привяжутъ тебя къ столбу и подъ ногами твоими выроютъ могилу твою и убійцы твои направятъ на грудь твою дула ружей своихъ и взглянешь ты въ лицо ихъ, то истинно, истинно говорю тебѣ, — ты будешь счастливѣе ихъ, ибо нѣтъ большаго счастья, какъ погибнуть за братьевъ своихъ!

И убьютъ тебя!... Замолкнетъ голосъ твой! Безсильно опустятся руки и выпадетъ изъ нихъ

знамя освобожденія рода человѣческаго, которое задержалъ ты! Но тѣнь твоя подниметъ его! Заговорятъ кровавыя раны на груди твоей! И бодрость и отвага польются въ ряды друзей твоихъ, и ужасъ и смятеніе — въ среду враговъ!

КОНЕЦЪ.

